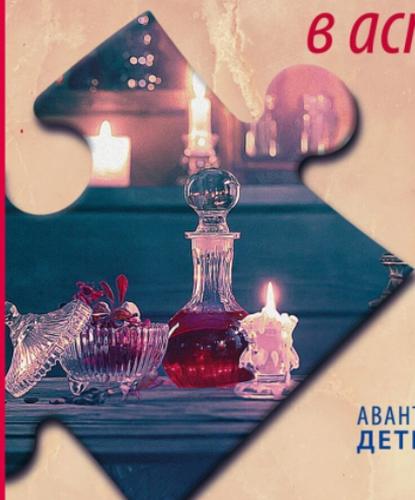

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

*Особняк с выходом
в астрал*

АВАНТЮРНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Татьяна Викторовна Полякова
Особняк с выходом в астрал
Серия «Авантюрный детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64420951

Особняк с выходом в астрал:

ISBN 978-5-04-120281-1

Аннотация

Матушка Евлампия, в миру просто Клавдия Огурцова, известна в городе как ясновидящая в третьем поколении, и у нее нет отбоя от клиентов. Увы, но редкого дара и хорошей рекламы для бизнеса мало – нужен еще свой спец по добыче оперативной информации, без которой не выдать качественное предсказание. У Клавдии, к счастью, есть лучшая подруга и помощница Лиза, вместе они способны на многое: и труп спрятать, и миллионы найти, и распутать пару дел, которые оказались не по зубам полиции...

Татьяна Викторовна Полякова Особняк с выходом в астрал

© Полякова Т.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Парни вывернули из-за угла, на ходу стаскивая балаклавы. Расстояние между нами было приличное, но взгляд успел зафиксировать и напряженные лица, и спортивные сумки в руках, и даже оружие, прикрытое полой распахнутой кожаной куртки. В общем, пары секунд хватило, чтобы мозг забил тревогу, кажется, я даже успела подумать: «Мамочка, вот это ни хрена себе», хотя данная светлая мысль могла явиться позднее. А в те первые минуты я действовала, исключительно следуя инстинкту. А он вопил во весь голос: «Сматывайся, дура!»

Я опустила голову, слегка ускоряясь. До поворота было несколько метров, их я преодолела, старательно делая вид, что ничегошеньки вокруг не замечаю. А потом побежала со всех ног, чутко прислушиваясь, и тут же уловила топот. Мой отрешенный вид этих типов не обманул. Здешние подворотни я знала хорошо, мне потребуется несколько минут, чтобы

оказаться на проспекте. Вряд ли они рискнут там появиться. Затевать военные действия точно не будут. Хотя кто их знает. Вопрос сейчас в другом: есть ли у меня эти несколько минут?

Я влетела во двор девятиэтажки, и тут мне повезло. Девочка лет десяти с собакой на поводке как раз подходила к ближайшему ко мне подъезду, и я бросилась за ней, успела за мгновение до того, как дверь захлопнулась, и прошмыгнула в подъезд. Облегченно вздохнула, но не успокоилась. Замок на двери далеко не для всех является серьезным препятствием. Я бегом преодолела лестничный пролет и осторожно выглянула в окно, поставив коробку, которую до сих пор держала в руках, на пол. Двор-колодец был пуст. Из подворотни никто не показался и возле подъезда не топтался. Может, шаги за спиной мне со страха померещились и за мной никто не бежал?

Я готова была продолжить свой путь и решить, что парни вполне себе приличные люди, оружие мне привиделось, в сумках у них спортивное снаряжение, а балаклавы они носят для прикола. Но под ложечкой неприятно засосало, а внутренний голос ехидно шептал: «Ага, может, ты вообще никого не встретила, и эти двое – картонные фигуры у входа в фотоателье?»

Я еще раз выглянула в окно, соблюдая осторожность. Двор был по-прежнему пуст, но это отнюдь не успокоило. Покидать подъезд не хотелось, такое чувство, что враги за-

таились и ждут, когда я выберусь отсюда. Было еще что-то, тревогу увеличивающее: некая мысль, которую я никак не могла ухватить.

Устроившись на ступеньке лестницы, я пододвинула к себе коробку и заглянула в нее, точно надеясь обрести там ответ. Сверху лежал ежедневник с логотипом нашей компании, подарок шефа на Новый год. С сегодняшнего дня я безработная. Дела в компании в последнее время шли неважно, точнее, хреново, долгий судебный процесс между шефом и его женой (она числилась у нас гендиректором) окончательно нас доконал, но останавливаться на достигнутом хозяева не спешили: сначала делили активы, теперь, должно быть, долги, потому что, по общему мнению, ничего другого там уже не осталось.

Шеф был известным бабником, все об этом знали, в том числе и жена. В семье царили мир и согласие, по крайней мере, баталий мы не наблюдали, пока у нас не появился новый начальник юротдела, разведенный мужик. Звали его Борис Сергеевич, но иначе как просто по имени его никто не называл. Первое, что бросалось в глаза, – лохматая шевелюра соломенного цвета. Сходство с английским премьером-тезкой было очевидно. Может, все дело в этом сходстве? Гендиректор рухнула в его объятия где-то через месяц. Муж нервничал, хотел Бориса уволить, но к жене особых претензий не имел, разводиться уж точно не собирался. А она, вопреки всем ожиданиям, подала на развод и, демонстрируя свое

женское счастье, при любой возможности то целовала Бориса, то поправляла ему галстук и даже кормила с ложки в нашей столовке.

– Баба – дура, – вынесли вердикт сотрудники, и оказались правы.

Борис уволился три месяца назад, заподозрив, что возлюбленная останется без приданого. По слухам, он от нее прячется. Гендиректор впала в депрессию, но фирму это не спасло.

«Вот она, жизнь, – философски думала я. – Один занудливый Борис способен изгадить существование приличному количеству людей». Не то чтобы перемены в жизни особо меня пугали, я не сомневалась: работу я найду. Ипотекой и кредитами я не обзавелась, так что если поиски займут какое-то время, это не страшно. Но напрягаться совершенно не хотелось. Я в принципе напрягаться не люблю. Моему сердцу куда милее плавное и неторопливое течение жизни. А теперь ее тихие воды жутко взбаламучены.

Я вспомнила парней в балаклавах и опять вздохнула. После чего задалась вопросом: может, позвонить в полицию? И тут до меня донеслись звуки полицейской сирены. Это можно было принять за знак свыше, но такой сигнал мне почему-то не понравился.

– Черт, – я поднялась и выглянула в окно.

Во дворе появилась старушка с хозяйственной сумкой и вскоре скрылась в подворотне. Если парни и шарили где-то в

округе, пытаюсь меня обнаружить, то сейчас им самое время убраться отсюда.

Выждав еще минут десять, я подхватила коробку и покинула подъезд. Полицейские сирены к тому моменту стихли, а я, миновав подворотню, вскоре оказалась в том месте, где едва не столкнулась с парнями. Надо сказать, моя привычка передвигаться напрямую, по подворотням и проходным дворам, очень беспокоила маму, но лично мне до сего дня никаких неприятностей не доставляла. А сейчас я едва не дала себе слово ходить, как нормальные люди, однако вовремя одумалась. Сгоряча чего только не наобещаешь, а потом мучайся.

Оказавшись в переулке, я тут же отметила подозрительное оживление в этом обычно спокойном месте. Человек тридцать, а то и больше, жались к торцу трехэтажного здания, фасадом выходящего на бульвар. На проезжей части две полицейские машины. Я ускорила и влилась в толпу. Взгляды граждан были направлены на железную дверь, сейчас распахнутую настежь. Над дверью красовалась вывеска: «Быстрые деньги».

– Обнесли чуваков на кругленькую сумму, – заявил стоявший рядом подросток, выплюнув жевательную резинку себе под ноги.

– Так им и надо, – тут же откликнулась сублильная старушка. – В прошлом году мой зять, пьянчуга конченный, взял у них денег на опохмелку. Взял-то, считай, ничего, а отда-

вать пришлось о-го-го... Еще и душу вымотали: грозились квартиру спалить, если деньги не вернет. А где он возьмет, если лет пять уже нигде не работает? Дочка с ним развелась, но живут-то в одной квартире, куда его денешь? Пришлось нам долг выплачивать, я свои гробовые отдала. Так что все по справедливости: они народ грабят, теперь их очередь пришла.

– Что вы такое говорите? – возмутился дядя в очках, стоящий справа. – Они помогают людям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации. Вот вы кому-нибудь в долг дадите, да еще и без процентов?

– А нечего мне в долг давать! – рявкнула старушка. – Пенсия с гулькин нос. Я сорок лет отработала, от начальства три грамоты...

Тут я тихо снялась с места и поспешно направилась к своему дому. Он был неподалеку. Квартиру я, само собой, снимала. Этот город не был мне родным, я училась в местном университете и после его окончания на малую родину по неизвестной причине не вернулась. Скорее всего, было просто лень что-то менять. За пять лет учебы я привыкла жить одна, и мысль ежедневно видеться с близкими и дорогими почему-то не вдохновляла. После развода с моим отцом мама жила со своими родителями, с которыми отчаянно ругалась по малейшему поводу. Потом они бурно помирились и плакали на плечах друг у друга. В подростковом возрасте это здорово бесило, теперь, скорее, вызывало умиление, но

я все-таки предпочитала держаться от них подальше.

Подходя к подъезду, я тревожно огляделась, хоть это и было глупо. Вряд ли парням пришло в голову проследить меня до дома. Могли и по дороге шваркнуть по башке чем-то тяжелым. И вновь явилось беспокойство, точно я должна что-то вспомнить, но никак не могу.

В подъезд мы входили вместе с моим соседом Иваном Петровичем. От него я узнала, что местная футбольная команда, ярим болельщиком которой он являлся, вчера опять продула, чему посочувствовала и, в свою очередь, сообщила: на бульваре грабнули фирму «Быстрые деньги».

– Это те, что кредит дают под сумасшедший процент? – уточнил он. – Так им и надо. Прилетело, короче.

Я согласно кивнула, а оказавшись в квартире, устроилась на пуфике в прихожей и задумалась. Пока я стояла в толпе возле ограбленного офиса, мысль рассказать полиции о парнях в балаклавах в голову даже не пришла. Хотя чего проще, раз я была в трех шагах от полицейской машины? Но сейчас вновь возник вопрос: сообщать в полицию или нет? Делать это не хотелось. Как я уже сказала, напрягаться я не люблю, а тут наверняка придется. Заявление писать или отвечать на вопросы следователя... Может, не один раз даже. А мне работу искать надо. Менты без меня обойдутся.

А если эти типы кого-нибудь убили? Одно дело жуликов обнести, и совсем другое... Впрочем, жуликами их тоже называть нельзя. Люди, которые у них деньги берут, знают, на

что идут, по крайней мере, должны знать. Как любила говорить моя бабушка, «взаймы берешь чужое, а отдаешь всегда свое». Отдавать, конечно, не весело, но грабить уж точно не годится. Ну и что мне делать?

Я достала мобильный и заглянула в ленту новостей. Об ограблении уже сообщили. Грабители ворвались в офис и, угрожая оружием, забрали из сейфа деньги. В это время клиентов в зале не было, никто из сотрудников не пострадал.

– Вот и отлично, – кивнула я, но сомнения все равно остались.

Я взглянула на часы. Пора отправляться к Клавдии. Через десять минут я уже шла по бульвару, и вскоре впереди замаячил одноэтажный особняк, чудом сохранившийся в этой части города.

Особняк достался Клавдии от дальней родственницы, за которой она трепетно ухаживала. Их родство вызывало недоверие, но в том, что старушка была окружена заботой, я не сомневалась. Клавдия из тех, кому непременно надо о ком-то заботиться. Каждую нашу встречу она норовит меня накормить, в твердой уверенности, что студенты постоянно голодные, хотя я давно не студентка и пытаюсь сесть на диету, впрочем, с такой подругой это совершенно невозможно. Познакомились мы как раз в тот год, когда Клавдия обрела особняк, а вместе с ним и фамилию даровавшей его старушки – Богоявленская. Клавдия утверждала, что сменила фамилию в знак признательности за наследство, продолжив

тем самым династию покойной. Но, учитывая, что фамилия у нее до той поры была Огурцова, перевесить могли иные соображения. Тем более что к тому моменту подружка решила сменить вид деятельности, выбрав стезю публичную, а Клавдия Богоявленская звучит куда солиднее, чем Огурцова.

Познакомила нас моя одногруппница Настя. О Клавдии я и до этого от нее много слышала, причем рассказы непременно сопровождались словами «эта чокнутая», хотя истории, рассказанные Настей, скорее говорили об общей оригинальности. Клавдию умом бог не обидел, причем человеком она была весьма практичным, хотя и в высшей степени неординарным. В студенческое кафе, где мы отмечали день рождения Насти, она явилась в черном бархатном платье в пол. Огромная роза ядовито-красного цвета украшала ее голову, устроившись строго на темечке. Настины гости в количестве четырех человек, как и я, до той поры Клавдию не видевшие, замерли с открытыми ртами и еще с полчаса силились прийти в себя. Мне Клавдия сразу понравилась. С дурацкой розой на темечке она чувствовала себя в своей тарелке, а чужое томление ее смешило, хотя она честно пыталась это скрыть. Еще она забавно морщила нос, это мне тоже нравилось. Я ей по неведомой причине пришлась по душе. Очень скоро мы стали встречаться уже без Насти, а потом и вовсе подружались.

Клавдия в те времена работала психологом в детском саду, денег ей за труды ее тяжкие платили самую малость, от-

того она кляла страну, президента, дошкольное образование и все, что в тот момент приходило на ум, используя в основном ненормативную лексику. В этом ей, надо признать, равных не было. Многие выражения я слышала впервые, хотя выросла в рабочем районе, кисейной барышней не была и, уронив утюг на ногу, поминала отнюдь не хризантему, а все то, что обычно вертится на языке в таких случаях. Однако привычка Клавдии, вдруг разгневавшись, разражаться той частью великого и могучего, который она знала в совершенстве, меня, признаться, слегка пугала, и я перво-наперво поспешила донести до нее мысль, что леди так не выражаются.

– Леди делают то, что хотят, – отрезала Клавдия, но задумалась.

В остальном она смело могла претендовать на звание самой крутой девицы города. И не только из-за дурацкой розы, являвшейся любимым головным убором. Роза была не одна, я насчитала три десятка, разных цветов и размеров, прибавьте к ним кружевные перчатки, немислимой высоты каблуки, мундштук из янтаря и взгляд с поволокой, от которого мужики впадали в ступор.

– Лучше французский выучи, – посоветовала я ей, и Клавдия неожиданно согласилась, а я поздравила себя с победой. Но радовалась недолго. К языку Дюма и Гюго Клавдия быстро охладела, правда, время от времени украшала свою речь французскими словечками. Сейчас она матерится не чаще

пяти-шести раз в день, что я смело могу приписать себе в заслугу. На всякий случай я составила таблицу слов и выражений, которыми при необходимости Клавдия могла заменить более ей привычные.

В общем, подружка делала успехи. Как-то, заглянув ко мне после курсов французского, она с порога спросила:

– Знаешь что, мон шер, совершенно неприлично для леди?

– Что? – доверчиво спросила я.

– Вкалывать за хреновое вознаграждение.

В реальности это звучало немного иначе, но смысл был именно такой.

– Это да, – кивнула я.

Мне на работе платили вполне прилично, но денег, как известно, много не бывает.

– Я решила с этим покончить.

– Тебе же вроде бы работа нравилась, – неуверенно заметила я.

– Работа – да, зарплата – нет.

– И куда ты собираешься?

– На вольные хлеба. У меня дар открылся, ясновидения.

Вполне перспективное направление.

– Правда открылся? – забеспокоилась я. От Клавдии, в принципе, можно ожидать чего угодно.

– Пока нет, но если постараться, то куда он денется?

Так Клавдия стала матушкой Евлампией, ясновидящей в

третьем поколении.

– С матерщиной придется завязать, – начала я с козырей, узнав в тот памятный вечер о ее намерениях.

– Поборем порочную зависимость, – кивнула она, а я подумала: «Что Бог ни делает, все к лучшему».

Продолжая двигать по бульвару, я подняла голову и увидела рекламный щит, на нем Клавдия, то есть матушка Евлампия, в одной руке держала свечу, а вторую простирала к страждущим. Фотография, кстати, была выполнена высокохудожественно. Под ней имелся слоган: «Помогу, подскажу, утешу». Не буду утверждать, что это лучшее из всего мною созданного. Пришлось спешить, заказ уже был в типографии, а я в тот день явно была не в ударе. Но работает безотказно.

Уже два года народная тропа к особняку Клавдии не зарастает. Только не подумайте, что она нахально дурит граждан. Дурит, конечно, но кое-кому действительно помогает. Поначалу это вгоняло меня в тоску, ибо разочаровывало в роде человеческом, к которому и я принадлежала, но потом стало ясно: большинство несет Клавдии деньги, чтобы было с кем всласть потрепаться. Моя подруга способна слушать страждущих часами. А потом просто говорит им то, что они и без нее прекрасно знали. Но как говорит! С сочувствием и материнской любовью. Ни один из клиентов не ушел от нее недовольным. Многие возвращались. Были такие, кого мы видели слишком часто. Но так как каждое посещение со-

провождалось денежными вливаниями, то жаловаться было грех. «Постояльцам», как их называла Клавдия, она делала скидку тридцать процентов. Люди радовались.

Подмигнув Клавдиному изображению на плакате, я пошла себе дальше. И вскоре достигла особняка бледно-желтого цвета с белыми наличниками и черепичной крышей. Ее поменяли в прошлом году, и особняк черепица очень украсила. В палисаднике среди кустов вишни, только-только покрывшейся зеленой дымкой, радовали глаз тюльпаны и нарциссы.

Возле кованой калитки домофон. Только я нажала кнопку вызова, как калитка открылась. У Клавдии сейчас перерыв. Я поднялась на крыльцо с металлическим козырьком (по бокам амуры с гроздьями винограда в толстенных ручках), дверь оказалась незапертой. Войдя, я обнаружила подругу в бикини ярко-красного цвета и туфлях на шпильке. В руках неизменный мундштук с сигаретой. Еще одна пагубная привычка, от которой я тщетно пыталась Клавдию отучить. Она старше меня на восемь лет и по этой причине считает, что «яйца курицу не учат».

– Привет, – сказала она, целуя меня в темечко. – Чего так поздно? Я уж звонить хотела.

– Лучше бы пустила яблочко по голубому блюдечку, оно бы все и поведало.

– Хрен дождешься от яблочка. Проходи. Небось голодная.

– Не особо, – сказала я, вешая куртку и снимая обувь.

Взглянула на коллекцию тапочек и выбрала розовые с пушком.

– Настроение у тебя дохлое, – заметила Клавдия.

– Тапочки подсказали?

– А то. Когда ты порхаешь от счастья, берешь зеленые.

– Серьезно? Интересно, почему? Ассоциация с кузнечиком?

– Да?

– Он весело скачет. Тогда почему розовый?

– Женщина, которая облачается в розовый, ищет поддержки и защиты.

– Серьезно?

– Это каждый дурак в интернете знает.

К тому моменту мы оказались в кухне. Особняк небольшой, метров двести, существенную его часть занимает приемная, где Клавдия встречается с клиентами, и молельная, туда запускают избранных для совместной молитвы. Особняк как бы поделен на две неравные части, дверь в жилые покои всегда закрыта, чтоб не спалиться. Оказавшись здесь, дурак поймет: матушка себя заповедями не обременяет, хотя неустанно другим советует старательно их придерживаться. Итальянская кухня стоимостью примерно как моя квартира, стол с мраморной столешницей, стулья с подлокотниками, которые по-итальянски назывались довольно забавно – «полтрона»...

В одном из них я и устроилась, а Клавдия принялась меня

кормить. Филе судака, икра на половинке яйца, кофе с то-стами. Я решила, что неприятности подождут, и принялась есть. Клавдия села напротив, с отвращением глядя на листья салата в своей тарелке.

– Что за мудрец выдумал диету? – сказала она, употребив вместо «мудреца» более привычное слово.

– Ну и наплюй на нее, – пожалала я плечами.

– Скоро лето, а жопастых леди не бывает.

– Бывают.

– Волдырь на языке вылезет со старшими-то спорить. Тебе хорошо, у тебя фигура зашибись.

– У тебя тоже.

– Не ври мне, Бог накажет.

– Чего врать-то?

– Ладно, я тогда тоже пожру.

Клавдия величественно поднялась, взяла чистую тарелку.

– С работой как? – взглянув на меня через плечо, спросила она.

– Собрала вещички. Лежат дома, в коробочке.

– Не переживай. С голода мы точно не помрем. У меня, кстати, клиентка нарисовалась, надо будет поработать.

– Поработаем, – пожалала я плечами.

– Моп амі, – нахмурилась Клавдия, вновь устраиваясь напротив. – Я печенкой чувствую, что-то с тобой не так.

– Пытаюсь решить, как поступить, – сказала я.

– Обозначь выбор.

– Надо бы как положено, но есть сомнения.

– Ты меня с ума сведешь, – хватаясь за сердце, точнее за левую грудь, ахнула Клавдия.

– Кажется, я стала свидетелем преступления, – вздохнула я и принялась рассказывать.

Мой рассказ подруге не понравился, она мрачнела на глазах и предсказуемо заявила:

– Охренеть... – но тут же поправилась: – Я имела в виду...

– Твой рассказ поверг меня в шок, – подсказала я.

– Ага, именно. Лизка, тебе не кажется странным, что вместо одного слова приходится употреблять целых пять, а результат желает лучшего?

– Подходящее время для дискуссий на лингвистическую тему, – сказала я. – По делу мысли есть?

– Есть. Но все непечатные.

– То есть на мудрый совет рассчитывать не приходится?

– Первое правило спокойной жизни: никуда не лезь.

– Да я собиралась на все забить, но на душе маятно. Точно я должна что-то вспомнить.

– Это в тебе гражданская совесть ворочается, – заявила Клавдия. – От нее вечно одно беспокойство. А пользы, прямо скажем, ноль. Давай рассуждать логически. Пойдешь ты к ментам, и что? Этих бандитов ты хорошо разглядела?

– За пять секунд? – хмыкнула я.

– Вот именно. То есть по существу тебе рассказать нечего. Их было двое, это они и без тебя уже знают, если парочка

грабанула «Быстрые деньги». Рост, комплекция?

– Обычный рост и комплекция тоже, – начала я злиться.

– Про кожаные куртки и джинсы ментам также известно.

Что еще? Машина какая-нибудь была поблизости?

– Нет.

– А куда они направились?

– Откуда мне знать? Я как их увидела, сразу смылась...

– И с этим идти в полицию? Пользы, как я уже сказала, ноль. А вот если верить сериалам, менты у нас сплошь продажные, и у бандитов могут быть в ментовке свои люди. Значит, о тебе они быстренько узнают. Свидетели, как известно, долго не живут.

– Спасибо, утешила. Что-то с этими мужиками не так. Или со мной. Не могу я просто взять и выбросить их из головы.

– Беда... – пропела Клавдия, глядя на меня исподлобья.

– Такое чувство, что от моего поступка вся оставшаяся жизнь зависит. Не хотелось бы лохануться.

– Ты меня пугаешь. Я хотела сказать, охрениешь с тобой.

– Может, это... заглянешь в послания?

Послания Апостолов – Клавдина фишка. Она предлагает клиентам назвать цифры в определенном диапазоне, открывает нужную страницу и зачитывает строку под соответствующим номером. Иногда получается чистая тарабарщина, но впечатление все равно производит.

– Ты интеллигентная девушка, откуда это мракобесие

в двадцать первом веке? – проворчала Клавдия, но ушла в «молельную» за книгой. Послание к римлянам, – сообщила она, когда, вернувшись, предложила назвать мне цифры и принялась торжественно читать: – Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным».

К концу этого пассажа на лице ее появилось кислое выражение, а торжественность в голосе сменила легкая паника.

– Это фиаско, подруга, – по обыкновению, она употребила более привычное ей слово. – Я всегда говорила: застой в личной жизни добром не кончится, скоро начнем кидаться друг на друга. А все ты: я только по любви...

– Я категорически против на тебя кидаться, – на всякий случай предупредила я.

– Ты что, хочешь, чтоб твой гроб кошки несли?

– Это ты к чему?

– К тому, что надо размножаться.

– Я в принципе «за», – пожала я плечами. – Но для этого нужны как минимум двое и противоположного пола. Тебе не кажется, что мы существенно удалились от темы?

– Апостол Павел указал нам на проблему, но выбрал не ту. С этими дурацкими предсказаниями всегда так. Надо своей головой думать, а не надеяться на мужика, который кони двинул две тысячи лет назад. Само его существование лично у меня вызывает сомнение.

– Значит, придется самим голову ломать. Хотя... может,

еще попробуем? Кинем монетку: идти к ментам или нет?

Выпала «решка», то есть нет, но это не успокоило. Впрочем, и «орел» бы наверняка от томлений не избавил. Как раз тот случай, когда оба варианта абсолютно не симпатичны.

– Все, – сверля меня взглядом, заявила подруга. – Положимся на провидение. Нет, значит, нет, и выбрось этих типов из головы.

– Я уже час стараюсь. От этого только хуже.

– Помни главное: свидетели долго не живут. Значит, никуда не лезем.

В принципе, я была с Клавдией согласна, но под ложечкой опять противно сосало.

– А мама всегда говорит: если не знаешь, как поступить, поступай правильно, – минут через десять заявила я. – А по-правильному – надо идти в полицию.

– Да что за наказание! – всплеснула руками подруга. – Я не очень тебя огорчу, если напомню: большими жизненными успехами твоя мама вряд ли может похвастать?

– Главное, чтобы человек жил в согласии со своей душой, – напомнила я.

– Это кто сказал? – нахмурилась Клавдия.

– Ты. Позавчера, когда пудрила мозги «постояльцу» Демину.

– Сама говоришь: мозги пудрила. В запале чего не ляпнешь. Лизка, – позвала она. – Никакой полиции, слышишь? Предчувствие у меня. Сунемся, и каюк нам.

– Почему?

– По кочану.

– Ладно, будем считать, вопрос решен. – И, чтобы отвлечься от опостылевшей темы, я спросила: – У тебя что нового?

– Сегодня тетка пришла. Думаю, перспективная.

– Чего хотела?

– У дочки проблемы. Спрашивала, чем все закончится.

– И что?

– Что-что... в посланиях на этот счет, как всегда, туманно.

От себя присоветовала верить в лучшее и молиться. Пока ее судьба, точно весы: в какую сторону качнет, то и будет.

Способность Клавдии, не сказав ничего по сути, огоршить страждущих премудростью, которая звучит вроде бы по делу, неизменно меня поражала. Приходилось признать: у нее талант. Очевидную истину она изрекала как свежееиспеченную, усомниться в которой даже не приходило в голову.

– А что там с дочерью?

– Толком ничего не сказала, но, видно, что-то серьезное.

Уж очень тетка убивалась.

– Ты хоть имя-то ее узнала? Теткино, я имею в виду.

– А то. Пока она рыдала, заглянула в ее сумку, отлучившись за стаканом воды.

Сумки обычно оставляли на диванчике в прихожей, на этом настаивала Клавдия, мотивируя это тем, что звонки мо-

бильных не должны ее отвлекать. В сложных случаях подруга, под каким-либо предлогом покинув клиента, сумку проверяла. Как правило, пророчествам это здорово помогало. Хотя куда чаще гости очень охотно сами все о себе рассказывали.

– Чего нашла? – задала я вопрос.

– Пропуск в фитнес-центр.

– Годится, – кивнула я и отправилась в кабинет, рядом с приемной.

В кабинете было окно, выходящее в приемную и с той стороны замаскированное под зеркало. Я могла не только видеть, что происходит в соседней комнате, где подруга принимала клиентов, но и отлично их слышать. Меня, кстати, им слышно не было. Разговор я записывала, а также делала пометки. Под рукой у меня компьютер, и кое-какие сведения о страждущем я успевала найти довольно быстро. Когда матушка Евлампия отправлялась помолиться перед очередным пророчеством, под молитвенником уже лежал листок с напечатанным текстом.

Лично я смотрела на нашу деятельность как на игру, Клавдия предпочитала называть это «бизнесом». Как правило, моя помощь была необходима в работе с трудными клиентами, с прочими подруга сама прекрасно справлялась.

Клавдия протянула мне мобильный с фотографией пропуска, и я устроилась за компьютером.

– Трусова Нина Евгеньевна, – вслух произнесла я, пока

заходила на сайт известного фитнес-центра. – Ага, вот она.

Клавдия села напротив и теперь взирала на меня так, точно я вершитель судеб. Надо сказать, продвинутым пользователем Клавдия не была. Став матушкой Евлампией, свои аккаунты из соцсетей удалила. На мое предложение рекламировать себя любимую через Инстаграм (матушка на молебне, матушка с благодарными старушками) молча покрутила пальцем у виска, хотя я подписана на одного предприимчивого батюшку, с которого Клавдия могла бы брать пример. Однако я с подругой не спорила. Технический прогресс вызывал у нее беспокойство, а возможность собрать в интернете массу сведений о любом индивиде даже пугала. Меня она считала гением, на что я обычно скромно пожимала плечами. Доброе слово, как известно, и кошке приятно.

– Абонемент на полгода по акции «Приходи вместе с другом». Другом оказалась Трусова Диана Борисовна. Думаю, это и есть ее дочь.

Я развернула монитор к Клавдии, выведя на экран обе фотографии. Особенно похожи женщины не были, но нечто общее в их внешности все же угадывалось.

– Это она, – кивнула подружка. – О дочери сможем что-нибудь узнать?

– Сейчас попробую.

Я, как обычно, начала с соцсетей. Диана училась в колледже, в следующем году должна была его закончить. Занималась спортом, участвовала в осеннем марафоне, на фотогра-

фии она в компании с другими девушками, но близкой подруги, похоже, не было. Как и бойфренда. Впрочем, девушке только-только исполнилось восемнадцать.

Клавдия достала новый блокнот из ящика, на обложке вывела буквы «Д» и «Т» и стала записывать сведения, показавшиеся ей интересными. Фотографии Диана публиковала один-два раза в неделю, но с позапрошлого вторника ни одного снимка.

– Куда-то уехала? – подняла голову Клавдия.

– Вряд ли...

Я откинулась на спинку кресла, а подруга вновь спросила:

– Что?

– Пока ничего. Надо подождать.

Ждать пришлось недолго. Я присвистнула и вновь развернула монитор к Клавдии. Заголовок в ленте новостей: «Убийство на парковке у торгового центра «Восток».

– В среду на парковке возле торгового центра был обнаружен труп женщины, – начала читать вслух Клавдия. – О господи!

Статья оказалась небольшой. Если коротко, говорилось в ней следующее: торговый центр закрывался в 22.00, но продуктовый магазин на первом этаже работал до 24.00. Убитая была одним из последних покупателей, на нее обратил внимание охранник, когда она выходила с тележкой из магазина. Он же несколькими минутами позже заметил еще одну девушку, которая направлялась к автобусной остановке. Кив-

ком указал на нее коллеге. И тот на девушку, само собой, тоже внимание обратил. На следствии они свой интерес объяснили так: в магазине они ее не видели, хотя, конечно, могли не заметить, но верилось в такое с трудом, посетителей было уже немного, и все проходили мимо них. Один из охранников остался на месте, второй вышел на улицу покурить. Место для курения с торца здания, туда он и направился. И увидел стоящую на парковке машину рядом с микроавтобусом, на котором ездил его коллега. К тому моменту парковка практически опустела, только рядом с центральным входом оставалось еще с десяток машин. Женщина с тележкой свернула за угол, это охранники видели. А вскоре охранник заметил и тележку, в нескольких метрах от красного «Ситроена». В тележке находились пакеты с продуктами, что мужчина отметил сразу, и подошел к «Ситроену».

Минивэн скрывал от глаз жуткую картину. Молодая женщина в джинсах и ярко-красной куртке лежала на асфальте в луже крови. Голова разбита, лицо изувечено. Тут же валялась бейсбольная бита, которой, вероятно, и наносили удары. Охранник вызвал коллегу и сразу же позвонил в полицию. Та приехала очень быстро. На парковке к тому моменту находился один из водителей, ожидавший жену. Она как раз была последним покупателем, к тому же заподозрила обман, когда ей назвали сумму покупок, вместе с кассиром они дважды все проверили, в общем, изрядно задержались. Она вышла из магазина уже после того, как подъехала полиция. Женщи-

на оказалась любопытной и на полицию внимание обратила, а когда муж принялся истошно сигналить, чтобы ее поторопить, поведала ему о случившемся. Охранники рассказали полицейским о девушке, которую видели направляющейся к остановке, и тут выяснилось, что муж, ожидавший благоверную, тоже ее видел. И не просто видел. Девушку зафиксировал авторегистратор, когда она проходила мимо. Теперь полиция ее разыскивает как важного свидетеля.

– Я не поняла, это что же, Диану убили? – закончив чтение, спросила Клавдия. Я закатила глаза.

– Здесь же написано, убитой тридцать лет, а нашей девушке восемнадцать.

– Тогда при чем здесь Диана?

– Смотри комментарии, – сказала я.

– «Важный свидетель, – начала читать вслух Клавдия. – Как же, они ей убийство припаяют, ментам работать неохота, вот и готовы все свалить на первого встречного. Диане Трусовой восемнадцать лет, хорошая, скромная девушка, я ее знаю. А они ее убийцей выставляют». Выходит, Диану в убийстве подозревают? – вытаращила глаза подружка.

– Если верить оставленному комментарию, то именно так.

– Чушь, – покачала головой Клавдия. – Восемнадцатилетняя девчонка с бейсбольной битой... Охренели менты.

– Впали в заблуждение, – поправила я.

– Охренели, – разозлилась Клавдия. – Должно быть, в самом деле работать не хотят.

– А может, для подозрений у них есть причина. Мы ведь не знаем, что они успели накопать.

– Надо узнать, – кивнула подруга. – Клиентка завтра явится, и что я ей скажу? Вашу дочь оклеветали? Не лопухнуть-ся бы. Как хочешь, а у меня в голове не укладывается, что девчонка могла кого-то убить...

– Вдруг чего-то не поделили, – пожала я плечами.

– Мужика? Убитая на двенадцать лет старше.

– Ну, делят не только мужиков.

– Ладно, чего гадать. Надо подключать Вовчика.

К Владимиру Юрьевичу Сухорукову Клавдия обращалась довольно часто, он даже предлагал «взять его в штат», на жалование, но так как его представление о «приличном жалованье» в корне расходилось с Клавдиным, а Вовчик еще и на премию рассчитывал, увеличения нашего штата пока ждать не приходится. Я, кстати, тоже внештатник, хотя мой скромный вклад в ее бизнес Клавдия оплачивает даже слишком щедро (правда, у меня хватает ума об этом помалкивать).

– Ну что, беремся за это дело? – взяв в руки мобильный, задала вопрос Клавдия.

– Если тетка, с твоей точки зрения, перспективная...

– Куда уж перспективнее, коли дочку в убийстве обвиняют.

– Это еще проверить надо, мало ли что тут напишут.

– Вот пусть Вовчик и проверит.

Сухоруков работе был всегда рад, остро нуждаясь в день-

гах. Впрочем, кто в них не нуждается. Деньги Вовчик тратил в основном на возлюбленных, будучи натурой щедрой, а в состоянии влюбленности пребывал практически непрерывно, но часто безответно, одним словом, выкидывал деньги на ветер. Иногда, несмотря на широту души, его нещадно били, потому что любовью он пылал к представителям своего пола. И хоть сам он был невысок, худ и довольно невзрачен, мужчин предпочитал высоких и спортивных. Далекое не всем его влюбленность приходилась по душе, в общем, случались конфузы. Собственно, по этой причине его и поперли из полиции. Вовчик был хорошим опером (у меня нет повода в этом усомниться), но толерантность в органах еще не зашла столь далеко, и бедолаге предложили уволиться по собственному желанию. Некоторое время он сопротивлялся, но в конце концов рапорт написал. К тому моменту о его пристрастиях знали все кому не лень, так что устроиться в какую-то схожую структуру было крайне затруднительно. Оттого Вовчик стал частным детективом. Не скажу, что работой его завалили. Если честно, не будь Клавдии, пришлось бы ему перебиваться с хлеба на воду, а покушать Вовчик, несмотря на свою комплекцию, любит.

В общем, задание он наверняка воспримет с энтузиазмом. Клавдия набрала номер и немного послушала гудки, после чего Вовчик откликнулся.

- Алло, – в голосе ни намек на большую радость.
- Работа есть, – сказала Клавдия. – Приезжай.

- Не могу, – буркнул Вова.
- Что так? Неужто деньги не нужны?
- Нужны. Я в больнице. Ногу сломал.
- Как тебя угораздило? – заволновалась Клавдия.
- Вот так... на ровном месте.
- А ты вообще-то где?
- В больнице «Скорой помощи».
- И давно ты там?
- Третий день.
- А чего молчишь?
- Беспокоить не хотел.

Клавдия отложила мобильный и сказала:

- Навестим дорогого друга.
- Навестим, – согласилась я.

Пока Клавдия одевалась, я еще немного пошарила в интернете. Ничего интересного, что касалось бы нашей клиентки, не нашла. Если Вова оказался в больнице надолго, очень может быть, что «постояльца» из Трусовой не выйдет. Хотя лично я в Клавдию верила. Она и без Вовкиной помощи за просто справится.

Подруга заглянула в кабинет, одетая весьма скромно. Скромно для нее, я хотела сказать. Ярко-красный плащ, туфли на высоченной шпильке, на голове черный берет с вуалью, украшенный фиолетовой розой.

– Чует мое сердце, мы вступили в полосу невезения, – заявила она. – Тебя угораздило наткнуться на преступников,

а Вовчика – ногу сломать. Теперь моя очередь.

– Что еще за очередь?

– Беда не приходит одна, – вздохнула Клавдия.

Покинув дом, мы направились к ее машине. «Порше Кай-ен» стоял во дворе особняка.

– Ни к чему мне сейчас неприятности, – пожаловалась подруга. – У меня еще кредит не выплачен.

– Может, все образуется, – сказала я.

– Как же... вот прям печенкой чувствую испытания. Напомни заглянуть в «послания», когда вернемся. Вдруг чего путное подскажут.

– Почему бы тебе не расширить диапазон? Библия – весьма солидная книга.

– Может, и придется. Надо в кулинарию заехать. Вовчик, поди, с голодухи пухнет.

– В больницах кормят.

– Такого, как он, хрен прокормишь. Просто диву даюсь, куда вмещается столько жратвы в таком дохлом теле.

«Дохлое тело» Владимира Юрьевича было прикрыто цветастой простыней. В палате стояли три кровати, но соседи отсутствовали, хотя налицо были явные признаки их существования. В коридоре я заметила двух смурных мужичков на костылях. Должно быть, Вовчик успел вызвать у них обоснованное беспокойство.

– Привет, – увидев нас, буркнул он.

– Здравствуй, чудо голубое, – сказала Клавдия и приложилась к его лбу, Вова слегка заерзал, то ли от душевности распирало, то ли одолевала тревога. Не за брненное тело, на него Клавдия не посягала, затрешиной наградить могла, если попадал под горячую руку, но планов захвата никогда не строила, еще в первую встречу безошибочно определив, куда влечет Вову. Хотя по сторонам поглядывала с вожделением.

На любовном фронте у нас и правда застой. Я к этому относилась спокойно, Клавдия начала нервничать. С Вовкой в нашу первую с ним встречу она была чрезвычайно ласкова и даже потрепала его по щеке, прощаясь, чем очень меня смутила. С моей точки зрения, он был совершенно неподходящей кандидатурой на роль возлюбленного. Достаточно сказать, что подружка выше его на целую голову, к тому же дама в теле.

– Все не так плохо, – на всякий случай заметила я, когда мы после встречи с бывшим опером, а ныне частным сыщиком, направлялись к машине. – Я имею в виду: иногда стоит подождать светлого чувства, а не хватать первое попавшееся под руку.

– Ты об этом чудике? – хмыкнула Клавдия. – Так он до сих пор не прибранный, потому что женский интерес его гнетет.

– Почему? – нахмурилась я.

– Потому. О таких, как Вовчик, в прежние времена говорили: «ни в...», как интеллигентно назвать женский половой орган?

– Вагина, наверное, – пожалала я плечами.

– По-моему, звучит по-дурацки. Ну да ладно... Короче, раньше говорили так: «Ни в вагину, ни в Красную армию». Вот и выперли из ментовки сироту...

– Ты думаешь?

– А чего тут думать?

– Тебе видней, ты у нас ясновидящая.

Само собой, к Вовчику я начала приглядываться и вскоре заподозрила, что Клавдия права. Попривыкнув к нам, Вовка свои предпочтения уже не скрывал, но когда Клавдия о них заговаривала, начинал краснеть и стыдиться, наверное, потому, что выражений она обычно не выбирала. С выражениями, как я уже сказала, у нас беда. Вот и сейчас Вовчик хлопнул глазами и обиженно насупил.

Тут я заметила синяк под его левым глазом и ссадину на скуле. Клавдия величественно опустилась на единственный стул, я устроилась на подоконнике.

– Как же тебя угораздило? – кивнув на ногу в гипсе, спросила она.

– Как, как... так.

– Акела промахнулся, – сказала я.

– И, видно, здорово, – сказала Клавдия. – Фингал впечатляет. Хук с левой?

Вовка сокрушенно вздохнул.

– Он сказал, что баб терпеть не может.

– Кто он?

– Клиент.

– С женой, что ли, разводится?

– Делят опеку над детьми.

– Тю... еще б ему баб любить... Вовчик, я тебе уже говорила: между «терпеть не могу баб» и «отчего бы не трахнуть-ся с мужиком» – довольно существенная дистанция. Кстати, Лизка, как интеллигентно сказать «трахаться»?

– Заниматься любовью.

– Тьфу... точно банки с огурцами закатывать. А если любви нет?

– Вступать в интимную близость.

– Звучит еще противнее.

– Отсюда вывод: без любви лучше не трахаться.

– Пропадает девка без любви, – вздохнула она.

– Это ты о ком?

– Не бери в голову, просто мысли вслух.

Клавдия достала из пакета контейнеры с провизией, купленной в кулинарии, и принялась кормить Вовку. Тот усердно жевал и светлел на глазах, оптимистическое мировосприятие стремительно к нему возвращалось.

– Ешь, ешь, для тебя готовила. – Еще один талант Клавдии: врать без зазрения совести, при этом вкладывая в слова всю душу. Не будь я вместе с ней в кулинарии, свято бы поверила, что она полдня простояла у плиты.

Вовка наконец наелся и с блаженным видом откинулся на подушку.

– Не вовремя ты свалился, сокол мой, – посетовала Клавдия с материнской любовью.

– Выгодное дельце наклеивается?

– Похоже, так.

– Вот, черт... – Вовка поморщился. – Может, вы сами? А я помогу, чем могу.

– Сами-то мы с усами, но... Нет ли у тебя хорошего человека на примете? Чтоб заменил тебя на время больничного.

Вовка задумался. Подозреваю, одолевали его мысли разные. В том числе и такие: как бы за время больничного не лишиться выгодной работенки. А ну как человек из помощника превратится в конкурента? Но и помочь Клавдии было необходимо, ибо если Вован не поможет, то найдется кто-то другой. В общем, как ни кинь, всюду клин.

– Если только Андрея попросить, – наконец заявил он. – А что за дело?

Я, достав мобильный, нашла статью, которую мы недавно читали, и сунула под нос Вовке. Он пробежал ее глазами.

– Убили родственницу клиента? – обрадовался Вова. Радость, надеюсь, относилась к собственной догадливости, а вовсе не к убийству.

– Ее дочь подозревают в злодействе. Нам хотя бы узнать, что менты по этому поводу думают.

– Справки я наведу, слава богу, знакомые еще остались.

– И в деньгах нуждаются, – не удержалась я от легкого ехидства, намекая, что знакомые в противном случае шара-

хались бы от нашего сыщика, как черт от ладана. Клавдия взглянула укоризненно, а я пожала плечами, мол, извини, погорячилась.

– Наведи, сокол мой, наведи. И с Андреем нас сведи, на всякий случай.

– Что за Андрей? – спросила я, пока Вовка доставал мобильный из ящика тумбочки и искал нужный номер.

– Андрей Толмачев, приятель мой, друг, можно сказать. Как и я, бывший опер.

– Его тоже из ментовки поперли?

– Ага. Вы же нашу систему знаете.

– Еще бы нам не знать, – закатила глаза Клавдия.

У меня, по понятной причине, вопросов не возникло, особенно когда Вовчик произнес в трубку:

– Андрюшенька... – вложив в это слово восторг, на который только был способен, а трубка в ответ дурашливо произнесла:

– Привет, шалун.

Меня слегка перекосило, а Клавдия досадливо плюнула, но Вова, занятый собеседником, этого даже не заметил.

– Можешь меня выручить? Обратилась постоянная клиентка, а я сейчас не в форме... лежу в гипсе. Производственная травма. – В этом месте Вовчик покраснел, потому что, в отличие от Клавдии, врать виртуозно и без последствий не умел. – Ничего страшного, но выпишут меня только через неделю, и некоторое время придется передвигаться на

костылях. Да, та самая матушка Евлампия, на самом деле ее зовут Клавдия Семеновна. Я могу дать ей номер твоего мобильного? Спасибо. – Крайне довольный, Вова убрал телефон и на нас уставился. – Ну, вот, все отлично.

– Надеюсь, – сказала Клавдия, поднимаясь. – А еще надеюсь, что ничего лишнего ты обо мне не наболтал.

– Да ты что... я вообще... я только... – Вовка пространно принялся объяснять, чего он не делал, быстро начал путаться в показаниях, чем Клавдию отнюдь не успокоил.

– Смотри у меня, голубизна небесная, я тебе карму-то быстро оторву и другим концом вставлю. В нашем бизнесе болтунам не место.

Надо сказать, Вовка Клавдию побаивался. Если честно, боялся до судорог. И сейчас тарачил глаза и истово крестился, клянясь, что лишнего слова... и прочее в том же духе. Конечно, Клавдия его в сердцах поколачивала, но не то чтобы сильно и не особо часто. Думаю, Вовка, будучи натурой тонкой и впечатлительной, верил в ее пророческий дар, а главное, в то, что она способна влиять на судьбу. Поставит перевернутую зажженную свечку к образу Богородицы, и все, каюк Вовчику.

– Уймись, – махнула рукой Клавдия и направилась к двери, я устремилась за ней, обошла на полшага, дверь распахнула и, низко кланяясь, пропустила вперед.

– Не юродствуй, – вздохнула подружка.

– Не отрывай мою карму, ладно?

– Не пойму, чего тебе весело, – ворчала она по дороге к машине. – От Вовки толку никакого, у нас клиент... лишимся бабок и будем лапу сосать.

– Я на работу устраюсь и прокормлю нас обоих.

– Прокормит она... Вот уж радость. Мы в Колумбию хотели, в этот... храм какой-то матери...

– Поедем автостопом.

– Дохихикаешься. Тебе хорошо, а у меня кредит. Ладно, позвоню Андрюшеньке. Может, он не совсем безнадежен? Вовка как-то справляется.

Пока Клавдия звонила, я успела купить в киоске мороженое.

– Держи.

Мороженое она взяла и сказала:

– Готов встретиться с нами через полчаса. В своем офисе.

– А офис где?

– На Гастелло.

– Это недалеко. Успеем.

В общем, с удобствами устроившись на скамейке, мы ели мороженое, солнце светило, лето было не за горами, чем не повод для счастья? Я радостно скалила зубы, пока не заметила неподалеку двух молодых людей. Они разговаривали, стоя возле автобусной остановки, не обращая ни на кого внимания, и совершенно не походили на парней в балаклавах, встреченных мною в переулке. Но настроение мгновенно испортилось.

«Надо было в полицию идти», – подумала я. В общем-то, и сейчас не поздно. Но эта мысль почему-то не вдохновила.

– Пора, – сказала Клавдия, и мы поехали к дружку Вовчика.

Если Вовкин офис запросто можно было спутать с массажным салоном – бархатные шторы, глубокие кресла и портреты с мужественными молодыми людьми на стенах, – то этот казался безликим и даже унылым. В небольшой комнате, куда попадаешь прямо с улицы, уместились несколько шкафов, а также стол, тумбочка с кофемашиной и пластиковыми стаканчиками. Кофе нам, кстати, не предложили. За столом сидел рослый тип в темном костюме, вместо рубашки – синяя футболка. На ногах мокасины. Может, такой наряд он выбрал из соображений удобства, однако выглядело это стильно, но без выпендрежа. Не будь он Вовкиным дружком, я бы решила, что судьба наконец-то сменила гнев на милость и преподнесла мне роскошный подарок. Сказать честно, от такого мужика любая девушка бы не отказалась. Темные волосы, двухдневная щетина. Взгляд исподлобья рождал смятение в моем робком сердце. Брови чуть сдвинуты, на красивом лице ни намек на улыбку. Кольцо на пальце отсутствует, но, учитывая их дружбу с Вовкой, это не повод для радости.

– И кто из вас матушка Евлампия? – спросил Андрюшенька.

– Есть сомнения? – хмыкнула Клавдия, опускаясь на стул.

Я с дурацкой улыбкой пристроилась рядом, протянула ладошку лодочкой и сказала:

– Секретарь матушки. Елизавета.

Обычно моей улыбки достаточно, чтобы мужчина улыбнулся в ответ. Этот продолжал хмуриться. И я напонила себе: с привычными фокусами придется распротиться, ибо мы для него не объект вожделения, а конкуренты, с которыми не церемонятся.

– Елизавета и Анна, – пробормотала Клавдия и добавила: – Это стихотворение.

– Вы пришли стихи почитать?

– Не волнуйся, я все равно дальше не помню. Каких мужиков теряем, – вздохнула она, это было немного не к месту, но свидетельствовало о том, что мысли наши движутся в одном направлении.

– Слушаю вас, – сказал Андрюшенька.

– А у тебя что ж, даже секретарши нет?

– На секретаршу еще не заработал, – ответил он.

– Понятно. Не скажешь, что живешь богато.

– Ты бы не теряла время, а подходчивее объяснила, чего вам от меня надо.

Клавдия объяснила довольно быстро и, безусловно, доходчиво.

– Леди, – хмыкнул он, когда подруга закончила. – А вам не кажется, что это здорово смахивает на мошенничество?

– Что за мысли? – пискнула я, а Клавдия, перегнувшись

к нему, сказала:

– Я крещусь, когда кажется. И тебе советую. А если ты такой правильный, чего ж из ментовки поперли?

Он криво усмехнулся, посмотрел на меня, на Клавдию, вернулся ко мне и заявил:

– С прискорбием должен вам отказать. Сейчас я очень занят, а ваше дело может занять не пару дней, а гораздо больше времени. Сожалею. – Он развел руками и, наконец, улыбнулся. Стало ясно: нисколько не сожалеет. И спешит от нас избавиться.

– Мог бы нас по телефону послать, – поднимаясь, заявила Клавдия.

– Любопытно было взглянуть.

– Любопытные часто в больничке оказываются.

Однако слова Клавдии в этот раз впечатления не произвели. Приходилось признать: в стане Вовкиных друзей обретаются разные люди, есть и такие, кого оторванной кармой не испугать.

Я уже открыла дверь, когда он вдруг позвал:

– Эй, ангелочек. – Обратиться подобным образом к Клавдии вряд ли бы кому-то пришло в голову, оттого на зов оглянулась я. – Надеюсь, ты понимаешь: такой, как ты, в тюрьме не место.

Вместо ответа я продемонстрировала средний палец.

– Черт, – буркнул он, а Клавдия тут же встряла:

– Вот это куда ближе к истине. – И мы вышли на улицу

под его насмешливым взглядом. Гордые и непреклонные. – Охренели эти бывшие менты, – тут же возмущенно заявила Клавдия.

– Его поведение не соответствует нашим ожиданиям, – поправила я.

– Лучше помолчи, – предупредила подруга, а я пожалала плечами. Но сама она долго молчать не могла. – Чего делать-то будем? Может, сами попробуем?

– В каком смысле, сами? – решила спросить я.

Обычно после грозного окрика Клавдии я помалкиваю довольно долго, в воспитательных целях, так сказать, но уж очень меня ее слова насторожили.

– Ну... граждан поспрашиваем о том о сем. По сути, именно этим Вовчик и занят.

– Возможно. С той только разницей, что Вовчик знает, как спрашивать и кого. А мы?

– Что мы? То, что может этот хмырь, смогу и я.

– У Вовки есть удостоверение. Он его сдавать не стал, когда увольнялся.

– А ты что же, липовое удостоверение не смастачишь? Не разочаровывай меня.

– Это уже мошенничество, уголовно наказуемое деяние.

– Наслушалась этого красавчика. Кстати, на мента он не похож.

– И на голубого тоже, – вздохнула я.

– Это точно. Давай решать, что делать. Если Вовчик тру-

доспособности лишится надолго, мы понесем невосполнимые убытки.

– Можно обратиться к другому частному детективу, поищу в интернете.

– Можно-то оно можно, но... – Клавдия ткнула вверх указательным пальцем. – Мы должны быть уверены, что он будет держать язык за зубами. А не станет пить мою кровь, вымогая деньги. Значит, абы кто нам не подходит.

Клавдия достала мобильный и набрала номер Вовки.

– Лежишь, голубь мой, сытый и довольный? А нас твой мент на хрен послал, то есть я хотела сказать, попросил не отвлекать, ибо он очень занят. Я правильно выражаюсь, Лизка?

– Абсолютно. Восхищаюсь вашим знанием русского языка, Клавдия Семеновна.

– Как же так, – начал канючить Вовчик. – Я ведь при вас звонил.

– При нас, родной, при нас. Ты ему что наболтать успел? Он Лизку тюрьмой запугивал, вражина.

– Я просто... в общих чертах... ничего особенного я не говорил.

– Останешься ты у меня без нижней чакры. Короче, так. Есть у тебя на примете надежный человек?

– Нет, – после непродолжительной паузы ответил Вовка, соврать не рискнул в большом беспокойстве за нижнюю чакру. – Но я уже навел кое-какие справки у знакомого мента.

Рассказывать?

– Лучше пусть напишет, – встряла я. – Все равно ему делать нечего.

– Чтобы подробный отчет был у Лизки через час. Понял?

– Так точно, – гаркнул Вовка с заметным облегчением в голосе.

В этот момент нашему взору предстал очередной плакат с матушкой Евлампией.

– С огнем в очах не переборщила? – разглядывая свою физиономию, спросила Клавдия.

– В самый раз, – кивнула я.

Она собралась ответить, но тут зазвонил мобильный. Почему-то я была уверена: звонит Андрюшенька, успокоился и решил, что деньги не пахнут, но с прискорбием поняла: я ошиблась. Это кто-то из клиентов, таким голосом Клавдия говорит только в образе матушки. Движение мы продолжали, а разговор много времени не занял, и вскоре мы уже сиделись в машину.

– Кто звонил? – проявила я интерес.

– Сизов, «постоялец». Срочно понадобилось узнать, чего ждать от жизни. Эдак начнет шастать дважды в день, никакого терпения не хватит.

– Ну, если б он ходил два раза по цене одного...

– Да я замучилась из пальца ему пророчества высасывать.

Еще и Вовка слег, хоть бы сведений надыбал, что у него там за ревизия.

– Он сказал, где работает?

– В финансовой организации, бухгалтером.

– В какой финансовой организации?

– Да почему я знаю?

– Спросила бы.

– Ты меня с ума сведешь. Не могу я такие вещи спрашивать, я же ясновидящая. Так какого хрена не вижу?

– Скажи, что на всякую ерунду чакры тратить не хочешь и ясно видишь только по-крупному, а где клиент работает, он и без того знает.

– Кстати, почему бы и нет? Зачет.

Мы, наконец, тронулись с места и минут через двадцать въезжали в ворота особняка. Пока Клавдия припарковывала машину, я заглянула в ленту новостей. Интересовало меня, само собой, сегодняшнее ограбление. Ничего нового.

Мы вошли в дом, выпили чаю. Потом Клавдия пошла переодеваться, а я отправилась в кабинет. Надо взглянуть на этого Сизова, раз уж он метит в «постояльцы». Пока было время, проверила почту. Вовчик постарался, письмо от него пришло. Но ничем особо он не порадовал. Сведения примерно те же, что и в интернете.

Минут через пятнадцать появилась Клавдия. Одежда, как известно, меняет женщину, подругу она превращала в другого человека. Первое время я была уверена: наша контора долго не протянет, в городе полмиллиона жителей, новости здесь разлетаются быстро, и очень скоро те, кому это инте-

ресно, узнают: матушка Евлампия, в миру Клавдия Семеновна Огурцова-Богоявленская, лихая девица со склонностью к дурным манерам, дорогим тряпкам и мартини с клубникой (одной оливке Клавдия предпочитала три клубники, называла этот коктейль «компотом» и могла усидеть за вечер литр). Но артистические способности подруги так велики, что до сих пор два образа в один не соединились, по крайней мере, неприятностей у нас не было. Легенда гласила: матушка Евлампия живет у своей дальней родственницы, из дома практически не выходит, но временами отправляется на молебен в какой-нибудь монастырь, это когда Клавдии требовалось передохнуть или просто хотелось погреться на солнышке где-нибудь у очень теплого моря.

Вот и сейчас я постучала по стеклу, с целью убедиться, что передо мной моя подруга, а не сурового вида тетка, которая с Господом на «ты», а грешников за версту чует. Клавдия повернулась на стук, показала мне язык, и я успокоилась.

В ту же минуту раздался звонок домофона, Клавдия поднялась и не спеша покинула комнату, а вернулась уже с невзрачного вида мужичком лет пятидесяти. Давно не стриженные волосы стояли дыбом вокруг обширной лысины, она слегка поблескивала в свете свечей. У мужчины был нос картошкой и глубоко посаженные глаза, один слегка косил. Губы узкие и бледные, в целом он выглядел пронырой, который обведет вокруг пальца любого. Судя по всему, мужичок в этом сильно преуспел, если к нам притащился в надежде

на помощь высших сил. В общем, не зря ревизии опасался. Неудивительно, что он ничего по существу Клавдии о себе не рассказал. Ей, кстати, надо быть с ним поосторожней. Я стала наблюдать за ним с еще большим рвением. Мужичок устроился за столом, Клавдия напротив.

– Ты, Анатолий Юрьевич, ко мне как на работу ходишь.

– Так ведь душа болит, матушка. Помолюсь с вами, и вроде легче становится.

– В молитве – большая сила, а в совместной молитве – особенная, ибо сказал Господь: где соберутся двое помолиться, там незримо третьим буду я. – Тут Клавдия пристально посмотрела на клиента и добавила: – Вижу, дело твое с мертвой точки сдвинулось.

Анатолий Юрьевич неожиданно покраснел, да не просто покраснел, заалел как пионерский галстук. Видно, Клавдия ненароком угадала. Или это от известия дядю в жар кинуло?

– Вот что, давай-ка чайку попьем, – внезапно предложила подруга. – Поговорим, а потом вместе помолимся.

Она засемила к двери, двигаясь с трудом, то ли по причине болезни конечностей, то ли под тяжестью грехов человеческих. Ничего от ее обычной походки. Как я уже говорила, перевоплощение впечатляло и касалось буквально всего. Пока Клавдии не было, мужичок поднялся и, осторожно приблизившись к ее креслу, начал оглядываться. Заглянул под стол, потом в тумбочку рядом, пошарил в верхнем ящике.

«Деньги, что ли, ищет?» – с сомнением подумала я.

Он чуть приподнял скатерть, но тут услышал шаги Клавдии и юркнул на место. Занятный тип. Скорее всего, он нас подозревает, Клавдию, я хотела сказать, раз уж меня он никогда не видел. Может, он надумал матушку ограбить? А что? От дяди с такой физиономией следует ждать чего угодно. В ограбление я поверю скорее, чем в потребность общей молитвы и дальнейшего прозрения. Хотя по опыту уже знала: жулики очень часто бывают доверчивы.

Клавдия держала в руках поднос с чайником, двумя чашками и вазочкой с вареньем.

– Хороший чаек, душистый, – разливая его по чашкам, приговаривала подруга. – Сама в прошлом году травки собирала, у батюшки Серафима. Как душу-то согревает.

Анатолий Юрьевич расплылся в улыбке, попробовал чаек и, подхихикивая, принялся его нахваливать.

– Ну что ж, за чайком и поговорить не грех, – сказала Клавдия, дождавшись, когда Сизов допьет чай, сама она его чуть пригубила. Но Сизов внимания на это не обратил, уставившись на Клавдию, видно, ждал откровения. – Размышляла я о тебе, мил человек, – продолжила она. – Молилась. И было мне пророчество. Нехорошее. Вот и хочу спросить тебя: не вздумал ли ты шутики шутить с Господом нашим? Молишься об одном, а хочешь другого, забывая: душа человеческая для него – открытая книга. И мне он ее чуток приоткрыл, чтоб и я заглянуть могла.

Клавдия сделала паузу, мужичок выпучил глаза, а потом вдруг хрястнулся лбом о столешницу.

«Это его так от раскаяния плющит?» – подумала я. Клавдии, как видно, в голову пришла та же мысль.

– Ну-ну, успокойся, – потрепала она его по плечу. – Ибо сказано в Писании: кто истинно раскаивается, увидит царствие небесное. Успокойся, говорю, – посуровела Клавдия, но и это на него не подействовало. Он так и лежал, уткнувшись лбом в столешницу.

– Эй, – Клавдия, вновь протянув руку, встряхнула его сильнее. Голова чуть переместилась, но как-то странно, словно мужичок не имел к этому никакого отношения. – Лизка! – заорала Клавдия, а Сизов стал заваливаться влево и грохнулся на пол.

Я опрометью бросилась к ним. Когда появилась в комнате, Клавдия, склонившись к клиенту, легонько била его по щекам.

– Царица небесная, – пробормотала она, посмотрела на меня мутно и добавила: – Что за фигня?

– Надо «Скорую» вызывать, – завертелась я рядом. – Где мобильный?

– Какая «Скорая»? Помер он.

Клавдия стянула с головы платок и теперь сидела на полу рядом с мужиком.

– Как помер? – не поверила я. – С чего бы ему помереть.

– А хрен его знает... Взял и помер... зараза.

– Да с какой стати ты так решила?

– А с такой, что не дышит. И пульса нет.

Я принялась искать пульс, но не нашла, может, плохо искала впопыхах, а может, его и не было.

– Твою мать, – пробормотала Клавдия и начала грызть ногти.

– Подожди, нужно зеркало. Где у тебя зеркало?

Зеркало хоть и не сразу, но нашлось. Я поднесла его к губам Сизова и замерла в ожидании. В гробовой тишине мы несколько минут ждали, когда оно запотеет.

– Я же говорю, отошел клиент, – вздохнула Клавдия.

– Вовсе нет, здесь какая-то ошибка.

– Какая там ошибка, самый настоящий трындец. Извиняюсь за выражение, полное фиаско.

Я опять поискала пульс, подержала зеркало, похлопала мужика по щекам и заподозрила, что передо мной покойник. Лицо выглядело отрешенным и жутковатым.

– Если «Скорая» уже не поможет, надо звонить в полицию. Пусть они его заберут. У меня мурашки по коже, когда я на него смотрю, – пожаловалась я.

– Подожди со своими мурашками. Надо подумать.

– Чего думать? Вызываем «Скорую» или ментов. Каждую минуту промедления придется объяснять. Вдруг выяснится, что мы могли его спасти, если бы сразу позвонили?

– Разве только это придется объяснять? – горестно кивнула Клавдия.

– А что еще? – заволновалась я.

– Все. Ты глянь на меня.

– Переоденься. Ты – частный предприниматель, вид деятельности – оказание психологической помощи населению, налоги платишь... сколько не жалко, – добавила я. – Главное, платишь. Конечно, нас ожидают трудные времена, но ничего особо страшного. Станешь матушкой Пистемеей и сменишь адрес.

– Оно, конечно. Лизка, я его разговорить хотела. Достал он меня хитростью и коварством. Все вопросы аккуратненько обходит, фокусник. Вот я травки в чай и добавила.

– Какой травки?

– Такой.

На мгновение повисла тишина, а потом я заорала:

– Ты его отравила!

– Да не травила я его, разговорить хотела. Помнишь, как Вовчик с этой травы соловьем заливался, мы еще смеялись до слез.

– Теперь вряд ли посмеемся, – буркнула я.

– А я про что?

– Сколько ты в чайник насыпала?

– Ложечку. Или две. Видимо, две. Наверняка хотела.

Я устроилась на полу рядом с Клавдией, стараясь не смотреть на покойника.

– Но не от этого же он умер? Вовке было хоть бы что. Наутро жаловался, что башка болит, а в остальном – порядок.

– Вовка молодой, – вздохнула Клавдия. – А у этого, может, сердце больное. Или еще чего.

– Об этом надо было раньше подумать.

– Что ж, вызывай ментов. Придется сдаваться.

– Эта дрянь в доме еще есть?

– Есть. Я ж у Генки тогда целый пакет свистнула, у своего бывшего. Он по пьяни ничего не помнил, вот я и взяла. Всю душу вымотал своими пороками.

– Пакет надо немедленно выкинуть.

– Куда?

– На помойку, конечно. Нет, на помойку не годится, вдруг кто-то найдет. В унитаз спустить. Точно. Где пакет?

– В кухне, за холодильником. Все равно объяснять придется, откуда у меня эта дрянь.

– Ничего не придется. Мы не знаем, где он ее раздобыл. Скажем, принял перед тем, как к нам пришел. Уничтожаем улики и звоним в полицию.

Я взглянула на часы.

– Вот-вот. Они спросят, чем мы столько времени занимались. Улики уничтожали? Все-таки интересно: отчего он умер?

– Оттого, что ты его отравила, старая обезьяна! – рявкнула я.

– Так вот что ты в действительности обо мне думаешь? Лицемерка хренова. «Ты прекрасно выглядишь...» – передразнила она.

– Тебе не кажется, что сейчас у нас есть дела поважнее?

– Не таракти. С какой стати ему вдруг умирать? Никто не умер, а он нате вам...

– Ты всех этой дрянью травила? – сообразила я.

– Не всех. Только особо неразговорчивых. И, заметь, граждане уходили довольные, а главное, на своих двоих. А этот кердыкнулся. Должна быть причина.

– Менты ее и установят. Наркота из организма не сразу выводится, возьмут анализы у недавних клиентов... Есть среди них те, кого ты чаем угощала?

– Есть, – вздохнула Клавдия. – Лизка, иди домой. Типа, тебя здесь не было. Ни к чему мне родного человека за собой в тюрьму тащить. Топай, а я ментов вызову. – Она устало махнула рукой.

– Вместе жульничали, вместе сядем, – сказала я.

– Чтоб этому Андрюшеньке подавиться, – взвилась Клавдия. – Накаркал, вражина. Мне одной меньше дадут. А здесь преступная группировка и все такое...

– Ты что задумала? – приглядываясь к подружке, спросила я.

– Ничего... – она поморщилась и вновь махнула рукой. – Совсем мне в тюрьму не хочется. Что я там забыла? Сделаем вид, что ты ушла раньше, чем этот хмырь явился, а с остальным я как-нибудь сама разберусь.

– Как разберешься?

– Ну... выведу его по тихой... Почему бы ему не найтись

в каком-нибудь другом месте?

– Да ты его одна даже не поднимешь.

Клавдия встала, стащила с себя черный балахон, в который была облачена, и, подхватив Сизова под мышки, поволокла к двери. Стоять в стороне, видя, как подруга надрывается, я не могла и ухватила его за ноги. Возле двери в голову мне пришла вполне здравая мысль.

– Куда мы его тащим?

Клавдия разжала руки, и Сизов грохнулся на пол с громким стуком.

– Доволокем его до машины, дальше проще.

– Да неужели?

– Дождемся темноты и вывезем его отсюда.

– Закопаем? – съязвила я.

– С ума сошла? Оставим где-нибудь. Чтоб нашли и похоронили по-христиански. Вдруг у него семья...

– Вот именно. И он кому-то из домочадцев сказал, куда пошел. Очень может быть, его хватятся уже сейчас.

Точно в ответ на мои слова вдруг раздался сигнал мобильного. «Издалика долго, течет река Волга...» – машинально начала подпевать я, а Клавдия схватилась за сердце.

– Лизка, это его телефон.

– Ясное дело, что его, не твой же...

– Сделай что-нибудь!

– Ответить?

– Еще немного, и у тебя на руках будет два покойника.

Я стала шарить в кармане пиджака Сизова и мобильный нашла, к тому моменту он уже замолчал.

– Какой-то Ковров, – сказала я, проверив вызов. – Клавдия, по мобильному можно установить местонахождение человека. Даже если телефон выключен.

– Блин... Ты точно знаешь? А что делать?

– Избавиться от телефона.

Я взглянула на часы.

– Сейчас 18.15. Запомни, он ушел отсюда в 18.25. Сегодня еще есть клиенты?

– В 19.00. Я специально на этого хмыря побольше времени оставила.

– Хорошо. Значит, он ушел примерно в 18.25, на звонок не ответил, потому что вы совместно молились, куда Сизов отправился, нам неизвестно. Мобильный я оставляю в кафе «Тик-так», в это время там полно народу, а позднее будет еще больше. Никто с уверенностью не скажет, заходил туда Сизов или нет.

– Допустим. Но если ты туда пойдешь, то тебя-то как раз могут запомнить. Тем более что ты там и раньше бывала.

– Значит, потеряю мобильный по дороге. Говорю тебе, от него надо срочно избавляться.

Клавдия молча кивнула, а я, отключив мобильный Сизова, покинула дом. Недавние слова Андрюшеньки теперь воспринимались верным пророчеством, но я успела убедить себя, что другого выхода нет. Если менты всерьез займутся на-

шей «лавочкой», велика вероятность, что добром для нас это не кончится. То есть не кончится совершенно точно.

Тюрьма – место для меня совершенно неподходяще, тут Андриюшенька прав, а бросить подругу я не могу. Придется вступать на порочный путь беззакония...

Чужой мобильный в кармане казался тяжелым, точно кирпич. Все-таки «Тик-так» – идея хорошая, почему бы Сизову от нас туда не отправить? К примеру, с кем-то встретиться. Правда, он не похож на человека, который с кем-то встречается в молодежном кафе, но это уже мелочи. Однако Клавдия права: меня могут запомнить, и будет очень трудно объяснить, что я там делала в одно время с клиентом. Он меня пригласил кофе выпить? И я согласилась? А куда он потом делся? На худой конец сойдет и это...

И тут я обратила внимание на открытую веранду кафе «Гамбургер». Вот уж где народу хоть отбавляй, в основном, конечно, тоже молодежь. Официантов здесь нет, самообслуживание. А главное, к веранде можно подойти вплотную со стороны бульваров, не привлекая внимания, торцом веранда выходит на тротуар.

Устроившись на скамье по соседству, я внимательно огляделась. Никаких камер поблизости. Я убрала волосы под платок и надела очки, точно зная, что это бесполезно. Прогресс достиг таких высот, что программа мою физиономию все равно распознает. Но так спокойнее. У нас не столица, вдруг прогресс по дороге задержался?

Я направилась к террасе и, поравнявшись с ней, сунула мобильный возле одного из столиков между двух горшков с геранью, украшавших террасу. Сидевшая за столом компания в мою сторону даже не посмотрела, а я поспешила унести оттуда ноги. Мобильный у Сизова старый, кнопочный, на такой вряд ли позарятся. Есть шанс, что его отдадут администратору, и хорошо бы не сразу, а через день-два.

Вернувшись в особняк, я застала Клавдию в кухне в глубокой печали и с рюмкой коньяка в руках.

– С ума сошла? Нам труп вывозить, – зашипела я, отбирая у нее рюмку. – У тебя через пять минут клиент появится. А ты в таком виде.

– О господи, – ахнула Клавдия. – Хмыря надо срочно в кабинет перетащить.

– Только не в кабинет, – завопила я, но не была услышана, Клавдия уже неслась на всех парах в комнату «пророчеств», где у порога лежал Сизов.

Ясное дело, дискутировать не время, если клиент может появиться в любую минуту. С некоторым трудом, но быстро мы перетащили покойника в кабинет, я торопливо прикрыла его пледом, то и дело тревожно на него поглядывала. В голову лезли самые дурацкие мысли: зомби и прочие коварные мертвецы, не дающие покоя живым. Наш лежал смиренно, но все равно беспокоил. В окно я увидела Клавдию, которая успела нацепить свой балахон и платок и, сложив руки, что-

то бормотала.

– Ты что, молишься? – удивилась я.

– Не мешай.

– Вот уж не знала, что ты верующая.

– Не мешай, говорю. Когда тюрьма светит, заступничество

Всевышнего совсем не лишнее.

«Поздно спохватилась», – хотела сказать я, но не успела, раздался звонок, и Клавдия пошла встречать клиентку.

Надо отдать подруге должное, держалась она молодцом. Гораздо лучше, чем я. Мне покоя не давал лежащий поблизости Сизов. Клавдия с большой заинтересованностью беседовала с клиенткой, впрочем, особо говорить ей не пришлось, тетка трещала как заведенная. Повела историю своей жизни, начав чуть ли не с зачатия, потом перешла к делам семейным, и конца этому не предвиделось. Я начала подозревать: она лет десять вынужденно молчала, и теперь ее попросту прорвало.

Клавдия слушала и кивала, но было видно, что история тетки ее особо не занимала. Она, как и я, думала о Сизове, так внезапно скончавшемся без особых причин. Покопавшись в интернете, я пришла к выводу: вряд ли в кончине Анатолия Юрьевича повинна Клавдия. То есть это практически невозможно. Правда, с одним «но»: если у клиента не было аллергии на конкретное вещество. Оказывается, и от арахисового масла можно кони двинуть, если у вас аллергия на арахис. У меня аллергии не было, но на всякий случай я

решила арахисовое масло не есть.

Я думала, тетка так никогда и не закончит рассказывать историю своей многострадальной жизни, но тут она перешла к проблеме. Оказывается, к нам она явилась затем, чтобы узнать: стоит ли ей переходить на другую работу. В настоящее время она трудилась уборщицей в салоне красоты, а ей предложили место в медицинском центре. Зарплата там больше, но ехать на работу четыре остановки, и рабочий день до пяти, а тут до трех. А ей внука из школы забирать. Правда, проезд у нее бесплатный, внука можно определить в продленку, а в медцентре для сотрудников прием любого врача со скидкой в пятьдесят процентов, а она в таком возрасте, что без врачей никуда.

Я думала, терпение Клавдии в конце концов лопнет, но вместо этого, воспользовавшись крохотной паузой в бесконечном словесном потоке, она сказала, не обращая на сей раз к святым апостолам:

– Если дверь открывается, в нее надо входить. Иди, милая, все у тебя будет хорошо.

«Милая», которая была старше Клавдии лет на тридцать, вскочила и отвесила земной поклон.

– Спасибо, матушка, – лепетала она, пятась к двери. – Так вам благодарна...

– Иди, милая, иди. Господь поможет.

Обе, кажется, забыли о самом главном. По стеклу, что ли, постучать, чтоб подруга в себя пришла. Но тетка вдруг опом-

нилась.

– Матушка, а деньги-то... – и стала копаться в сумке в поисках кошелька. На это ушло еще минут пять.

– Для пенсионеров скидка, – буркнула Клавдия, наконец-то получила деньги и смогла выпроводить клиентку.

– Я тобой горжусь, – сказала я, выходя в прихожую.

– Из-за скидки?

– Из-за терпения. По крайней мере, у нас есть свидетель, что в доме ты была одна, трупы на пороге не валялись, и ты совершенно точно никуда не спешила.

– Не говори мне о трупах. Как подумая...

– Мы идем в кино, – перебила я. – Билеты я уже купила.

– Ты издеваешься, что ли?

– Хоть и дохлое, но алиби. Переодевайся, Сизов долго ждать не может.

Через пять минут Клавдия была готова к выходу. Одевалась в высшей степени скромно, джинсы и темно-синяя куртка. Я и представить не могла, что такие вещи есть в ее гардеробе. Вместо каблуков – черные кроссовки. Клавдия подогнала машину вплотную к входной двери, заверив, что никаких камер по соседству нет. Это я и без нее знала. Теперь надо было перетащить труп из кабинета в машину. Это оказалось проще, чем я думала. Какое счастье, что покойник у нас subtilный, а весил бы килограммов сто, что б мы делали? Однако он все равно казался непомерно тяжелым.

До входной двери мы тащили его волоком. Пока Клавдия

открывала заднюю дверь машины, я, стоя на пороге, нервно оглядывалась. Вдоль забора боярышник сплошной стеной, и увидеть нас не должны. Держа Сизова под мышки, Клавдия полезла в машину, я, как могла, помогала пропихнуть покойного. Подруга выбралась из «Порше» через противоположную дверь, а дядька остался лежать на заднем сиденье. Я поспешно прикрыла его пледом.

– Надо бы его в багажник, – нахмурилась Клавдия.

– Надо бы. Но его оттуда доставать замучаешься.

– А здесь его увидят.

– Кто?

– Тот, кто морду глупую сунет, куда не просят.

– Поднимем шторы. Скоро стемнеет, и кому надо в твою машину заглядывать?

Однако я принесла еще один плед и тщательно укрыла Сизова.

– Что теперь? – спросила подруга.

– Теперь в кино.

Машину мы оставили неподалеку от кинотеатра. Клавдия намеревалась поставить ее на парковке, но я лишь молча покрутила пальцем у виска. Оставлять «Порше» без присмотра подружка не любила, а тут еще труп.

– Чует мое сердце, Лизка, зря мы сюда приперлись.

– Жаль, что твое сердце молчало, когда ты дядю травила.

– Да не травила я его... Блин... – выругалась она.

– Меня переполняют эмоции, – поправила я.

– Еще как, блин, переполняют. Может, не будем мудрить? Свалим дяденьку в глухом месте, и вся недолга.

Я промолчала, Клавдия покорно плелась сзади. Войдя в кинотеатр, мы первым делом купили попкорн и колу и отправились в ВИП-зал. И тут нам повезло. В ВИП-зале всего восемь мест, то есть четыре дивана. Расположены они так, чтобы парочки чувствовали себя максимально уединенно. У нас было седьмое и восьмое место, рядом с выходом на улицу, и я надеялась, что на наш уход внимания не обратят. Закончилась реклама, начался фильм, а мы по-прежнему оставались вдвоем.

– Пошли, – канючила подруга.

– Сиди. Есть люди, которые любят опаздывать.

Однако через двадцать минут и я не выдержала.

– Пей колу и пошли.

– На хрена мне газировка, да еще сладкая? Пищеварению от нее один вред.

– Обещаю водки, но попозже.

– Объясни, зачем эти мучения?

– Затем, что мы ее купили. Значит, должны выпить, хотя бы половину.

Я достала из сумки пакет и пересыпала в него попкорн.

– Не замечала раньше в тебе такой скаредности, – начала Клавдия.

Я уже шла к выходу, бросила в контейнер коробки, туда же полетели бумажные стаканчики с недопитой колой. Я при-

открыла дверь и осторожно выглянула. Ни души. Мы ходко устремились к машине.

– Билеты сохраним, никто толком не скажет, когда мы ушли.

– Лизка, скажи честно, он у тебя первый?

– Кто? – не поняла я.

– Покойник. Такое впечатление, что прятать трупы – твоё хобби.

– Я поклонник детективной литературы.

– Слава богу, – выдохнула Клавдия, до меня не сразу, но дошло: её переполняет радость, что «Порше» стоит там, где мы его оставили. Сизов тоже никуда не делся. Теперь предстояло самое трудное.

– Едем за город? – осведомилась Клавдия, садясь за руль.

– С ума сошла? Непременно попадем под камеры.

– Мы можем сказать, что по делам ездили.

– Можем. Но надо еще придумать, по каким делам и куда, а главное: прости-прощай алиби. Зря мы, что ли, на попкорн тратились.

– Куда ж его тогда?

Клавдия положила пакет на колени и машинально принялась есть попкорн.

– Выход один – оставить Сизова в городе.

– С ума сошла? – завопила она, подавилась и закашлялась.

Пришлось треснуть ее по спине. – Покойника в городе выгружать... Да это... волюнтаризм!

– Еще какой. Но другого выхода нет.

– А если нас застукают? Обязательно застукают, это ж город. Кто угодно может появиться в любой момент. Плевать на алиби, поедем в лес.

– На бульварах камер точно нет.

– Есть.

– Одна, на углу Попова, но она не работает.

– Откуда ты знаешь?

Я достала из сумки ноутбук, запустила программу. Клавдия ерзала, горстями ела попкорн и с тоской смотрела на меня.

– Видишь, не работает, – разворачивая к ней экран, сказала я.

– Все равно... как мы его потащим?

У меня к тому моменту уже возникла идея.

– Я знаю, что делать.

– Да неужели?

– Будешь вредничать, оставлю тебя наедине с покойником. Вот здесь, – ткнула я пальцем в монитор. – Автобусная остановка.

Клавдия покачала головой и отвернулась, но словесно возражать не рискнула.

– За остановкой у нас что? – продолжила я. – Молодежный театр, который осенью сгорел. И теперь там реставрация. Но в интернете писали, там все глухо с начала весны. Выяснилось, что построить новый театр дешевле, чем отремонтиро-

вать старый. Начальство занято решением этого вопроса, а пока там, в лучшем случае, сторож.

– Который нас непременно увидит.

– Театр обнесли забором. Между ним и остановкой кусты, а слева к воротам идет дорога. Ну, не совсем дорога, но мы проедем.

– А на остановке люди, и сторож на стройке.

– Надо дождаться, когда автобус отойдет, и тогда выгружать.

– Господи, – забормотала Клавдия. – За что мне все это?

– Мы едем или нет? Дай лучше я за руль сяду.

Мы поменялись местами, Клавдия истово перекрестилась, и мы тронулись с места. Ехать было не так далеко, но я все равно отчаянно трусила. На словах все получалось совсем неплохо, но вездесущее «что-то пошло не так» никто не отменял. Нас могли заметить и сторож, и случайные прохожие. Менты, кстати, тоже могли остановить, но об этом я предпочла не думать. Зато кое о чем вспомнила.

– Надо его обыскать, – сказала я.

– Зачем? – испугалась Клавдия.

– Вдруг у него с собой документы? Их надо забрать, чтобы не сразу опознали. Заодно хоть что-то о твоём Сизове узнаем.

– Ничего я о нем знать не хочу, – взвилась Клавдия. – Я хочу поскорее забыть его, как страшный сон.

– Это вряд ли. Полезай назад и проверь его карманы.

– Он с борсеткой пришел.

– И где она?

– Где, где. Наверное, в прихожей.

– То есть мы оставили такую важную улику в доме?

– Я про нее даже не вспомнила.

– Карманы все равно надо проверить.

Матюгаясь, как извозчик, Клавдия перебралась назад и, приподняв плед, начала обыскивать покойника.

– Я здесь не помещаюсь, – тут же пожаловалась она.

– Надо было побольше машину покупать или худеть.

– Нет у него ничего в карманах.

– Ты хорошо посмотрела?

– Хорошо.

– Посмотри еще раз, нас может погубить любая мелочь.

Это подействовало, Клавдия прекратила материться и теперь обшаривала карманы, пыхтя от усердия.

– Ничего.

– Оставайся там, мы подъезжаем.

Впереди показалась та самая остановка, от нее как раз отходил автобус. Я свернула на дорогу, которая вела к воротам. Дорогой пользовались в начале ремонта, но сейчас забросили, и она успела порости травой.

Я быстро огляделась. На остановке никого. На противоположной стороне улицы тоже. «Господи», – мысленно взмолилась я и сникла. О чем прикажете просить его? Удачно спрятать труп?

– Внимание, – пробормотала я, обращаясь не столько к Клавдии, сколько к себе. И затормозила.

Через несколько секунд я уже распахнула заднюю дверь, ухватила Сизова за ноги и потянула на себя. Клавдия героически мне помогала, выпихивая его из машины, затем выпорхнула, точно бабочка, и дернула Сизова за ноги с такой силой, что он махом оказался на земле.

– Закатываем его в кусты, – шепнула я.

На это ушло еще несколько секунд. Не глядя по сторонам, мы запрыгнули в машину и сорвались с места.

В себя я пришла минут через пять, когда на светофоре попытались проскочить на красный свет, а Клавдия завопила:

– Куда ты!

Я резко затормозила и повернулась к подруге.

– Как думаешь, нас кто-то видел? – спросила я.

– Не знаю. Надеюсь, что нет. Лизка, боюсь, меня хватит инфаркт раньше, чем за нами придут из полиции.

– В прихожей его борсетка, – напредила я. – Нам еще от нее избавиться надо.

В особняк я входила, ожидая от судьбы любой пакости вроде таинственного исчезновения борсетки или появления отряда ОМОНа. Однако вокруг царило безмолвие, в доме тоже была тишина, а борсетка стояла под вешалкой в прихожей.

– Ее наверняка тетка видела, – простонала я, готовясь свалиться в обморок. – Как, скажи на милость, ты могла про нее

забыть?

– Да я бы и не вспомнила, если б ты не спросила.

У меня возникла твердая уверенность, что все наши хитрости совершенно напрасны и мы встретим рассвет в камере предварительного заключения.

Но тут Клавдия заявила:

– Сомневаюсь, что клиентка обратила на нее внимание. Когда я открыла дверь, то стояла вот так, – начала демонстрацию подруга. – Она сразу начала щебетать, и мы прошли в комнату. Она шла впереди, продолжая тарыхтеть, и на меня смотрела, то есть вешалка была у нее за спиной... Нет, ничего видеть она не могла. И когда я ее провожала, она все время на меня тарашилась.

– Хорошо, если так, – вздохнула я, но спокойнее на душе не стало. Я судорожно пыталась решить, где мы могли еще проколоться.

Между тем Клавдия взяла борсетку, повертела в руках, открыла и высыпала содержимое на стол. Мы одновременно протянули руки к бумажнику. В нем оказалось немного наличных, банковские карты и водительское удостоверение. Я на всякий случай его сфотографировала.

– Больше ничего? – спросила я Клавдию.

– Ключи от машины, – ответила она, протягивая мне их. – А это, должно быть, от квартиры.

– Машина! – завопила я. – Он приехал на машине, и она где-то здесь.

– Да когда ж это кончится, – заныла подруга. – Не успеешь в себя прийти, как бац... очередное дерьмо...

– Машину надо перегнать, это же улика, – зачем-то перешла я на шепот.

– Давай завтра. Сегодня я уже ни на что не способна.

– Спятила? А если его найдут уже сегодня? И явятся к нам?

– С какой стати?

– С такой. Мы завтра пойдем перегонять машину, а там засада.

– Черт... идем, – буркнула Клавдия.

– Лучше я одна.

– Я не могу тебя бросить. И одна ехать не могу. У меня нервов уже практически не осталось. Знаешь, Лизка, преступникам не позавидуешь. Вот тебе мой завет: никогда не вступай на стезю противозакония.

– Ты меня беспокоишь, – сказала я. – Лучше уж ругайся.

– Можно? – Клавдия выдала замысловатую тираду, и ей, кажется, полегчало. Мне, кстати, тоже. Я была готова подписаться под каждым ее словом.

– Дай я все еще раз проверю, – сказала я и взяла борсетку. Казалось, она совершенно пуста. Однако я не успокоилась и тщательно все осмотрела. Мое упорство было вознаграждено. Один из кармашков оказался двойным, и в нем лежал еще один ключ. Обычный ключ от английского замка на металлическом колечке, таблетка, видимо, от домофона.

– От чего он может быть? – заинтересовалась подруга.

– Скорее всего, от квартиры.

– Вот же от квартиры, на брелочке.

– От кабинета, от сейфа, наконец.

– Только не от сейфа. Кому придет в голову врезать в сейф английский замок? И таблетка... Скорее всего, действительно от квартиры.

– Почему бы и нет? Мы же о твоём Сизове ничего не знаем.

– Не называй его моим. Это наш общий труп.

– Вот уж нет. Если бы ты...

– Не начинай, – отмахнулась Клавдия. – Лизка, похоже, ключ он прятал. Вот что, оставим-ка мы пока его здесь, в вазочке.

Она бросила ключ в вазочку, где лежала всякая мелочь: пуговицы, брошки и заколки для волос.

– Идем, только сначала глянь марку машины и номер.

– Я запомнила. Борсетку оставим в машине, это будет правдоподобнее. У тебя есть бейсболка и резиновые перчатки?

– Ну...

– Давай.

Пошарив в шкафу, Клавдия достала две бейсболки с логотипами каких-то отелей.

– А ты запасливая, – заметила я.

– Глупо от халявы отказываться.

Перчатки нашлись в ванной.

– Волосы заправь под бейсболку, козырек пониже...

– Раскомандовалась... Ладно, молчу. У тебя опыт, а у меня башка набекрень от всех этих дел, которым, как видно, конца не будет.

– Будет, будет, – попыталась утешить я, хотя внутренний голос шептал другое.

Припарковаться возле дома Клавдии Сизов не мог, здесь были знаки «остановка запрещена». Поначалу меня это обрадовало, никто не сможет связать машину с нами, точнее, с особняком. Но на противоположной стороне бульвара «Хонды» синего цвета с номером 661 тоже не оказалось. А искать ее по переулкам просто не было сил.

– Где он ее оставил? – ворчала Клавдия.

– Зависит от того, с какой стороны приехал.

– Может, в самом деле наплюем на его машину? Он от нас уехал, а потом опять зачем-то вернулся.

– Проверим ближайшие переулки, – обреченно сказала я.

Через полчаса я уже готова была согласиться с подругой, но тут увидела «Хонду» возле пивного магазина «Хмель».

– Он к тебе дворами шел, – сказала я. – Значит, хорошо знает здешние места.

– Лизка, давай поскорее закончим с машиной, а потом будем гадать.

Я сняла «Хонду» с сигнализации и сказала:

– Ложись сзади на сиденье.

– Как покойник?

– Делай, что говорят, не хватает на камерах засветиться.

Я села за руль, Клавдия улеглась сзади, а я передала ей пакет, в котором лежала борсетка и несколько тряпок.

– Засунь борсетку под переднее сиденье.

– А это зачем? Может, просто выбросить?

– Надо отогнать машину поближе к театру, чтобы созда-лось впечатление: Сизов куда-то отправился, а борсетку, на всякий случай, спрятал под сиденье.

– Не проще ли взять с собой?

– Пусть менты голову ломают: проще или нет.

– Заметано. Может, не стоит ехать к трупку на его машине?

– Мы к нему и не поедem, оставим ее за пару кварталов.

Я сосредоточилась на дороге, Клавдия возилась сзади, должно быть, прятала борсетку. У нормального человека на это ушло бы несколько секунд, но кто ж из нас сегодня нор-мальный?

– Лизка, здесь что-то лежит, – пробормотала она.

– Что лежит?

– Похоже, ключ.

– Еще один?

– Ага.

Клавдия протянула руку, демонстрируя ключ с прикреп-ленным к нему куском картона. На нем были цифра 5, а чуть выше надпись «Рондо».

– Ключ от ячейки супермаркета, – сообщила я. – Зачем он Сизову понадобился?

– Покупал продукты и зачем-то прихватил ключ.

– Или что-то там оставил. «Рондо» находится в торговом центре «Восток», где женщину убили, – некстати вспомнила я.

– Какую женщину? – испугалась Клавдия.

– Соберись. В ее убийстве подозревают Диану Трусову. Ее мать к тебе приходила.

Клавдия просунула голову между сиденьями и спросила:

– И что?

– Исчезни! – рявкнула я. – Откуда мне знать? Но это подозрительно.

– Думаешь, они знакомы?

– Кто?

– Сизов и Трусова? Сначала убили ее, а потом и его? Свидетеля оставлять не хотели?

– Сизова отравила ты, если мне память не изменяет.

– Да не травила я его. Он уже пришел отравленный... Точно. На последнем издыхании.

– Я бы так не сказала. Вполне цветущий был мужчина... Вот здесь, – свернула я в переулок, когда до сгоревшего театра оставалось метров триста. – Давай тряпки. – Я заглушила мотор, Клавдия протянула мне тряпку, я стала протирать все поверхности, которых касалась, подруга была занята тем же. – Борсетку протерла?

– Ага. Давай валить отсюда.

– Надо тщательно убрать за собой.

– Мы же в перчатках.

– В перчатках. Но береженого бог бережет. Современная криминалистика позволяет...

– Лучше молчи. Валим отсюда.

Переулок был пуст, и я решила, что время самое подходящее. Мы быстро покинули переулок, сняли бейсболки и перчатки и зашагали по направлению к дому.

– Ключ, – сказала Клавдия, протягивая его мне.

– Зачем ты его взяла? – зашипела я.

– Ты же сама сказала...

– Я не говорила, чтобы ты взяла его с собой.

– Да? А как же Трусова? Вдруг это правда связано?

– Да с какой стати?

– Тебя не поймешь. Давай хоть глянем, что в ячейке. Супермаркет поздно закрывается, мы успеем.

– Зря время потеряем. Сизов наверняка по забывчивости ключ оставил.

– И спрятал его под сиденьем?

– Уронил.

– Едем или нет?

– Едем, – сдалась я.

Мы вызвали такси и вскоре уже выходили возле торгового центра. В супермаркете Клавдия решительно направилась к ячейкам, но я ее остановила. На ячейку номер пять, конеч-

но, взглянула. Она была закрыта, что не особо удивительно, если ключ сейчас у подруги. Я взяла тележку, и мы с полчаса выбирали продукты, затем отправились к кассе. Подружка заметно нервничала, а я намеренно тянула время, не ожидая от очередного «подарка» судьбы ничего хорошего.

Наконец, расплатившись, мы оказались возле ячеек. Клавдия вставила ключ в замок, а я зажмурилась, ожидая появления ОМОНа и прочего в том же духе. Однако все было тихо. Клавдия робко заглянула в ячейку, нахмурилась и извлекла на свет божий довольно вместительную спортивную сумку.

– Тяжелая, – сказала она, поставив ее в тележку рядом с пакетами.

Я поспешила к выходу, толкая тележку, все еще в большом сомнении, что для нас эта поездка добром закончится. Мы встали в очередь на такси, Клавдия, быстро оглядевшись, наклонилась и расстегнула сумку, после чего отчетливо икнула и испуганно уставилась на меня.

– Что? – зашипела я.

– Посмотри.

– Не хочу.

– Посмотри, говорю.

Я закатила глаза, демонстрируя возмущение, но в сумку все же заглянула, поняв, что Клавдия не отстанет. Пачки денег крупными купюрами в банковских упаковках. Я быстро застегнула молнию.

– Давай вернем ее на место, – зашептала испуганно.

– С ума сошла. Это же деньги!

– Это не наши деньги.

– Что значит, не наши? Я в поте лица зарабатываю... а тут деньги сами идут в руки, и я их кому-то отдам?

Подъехало такси, и дискуссию пришлось прекратить. Клавдия решительно подхватила сумку, я взяла пакеты. Всю дорогу до особняка я готовила речь, с которой обращусь к подруге. Внутренний голос не говорил даже, а орал во всю мощь: избавьтесь от денег. Но все мои труды оказались напрасны.

Только мы вошли в дом, как Клавдия заявила:

– Ничего не говори. Я, может, всю жизнь мечтала, чтоб мне на башку богатство свалилось. Услышал Господь мои молитвы.

– Идиотка, – буркнула я.

– Сама такая, – ответила подруга, схватила сумку и поволокла ее в гостиную.

Пока я разбирала пакеты с продуктами, Клавдия считала деньги и вскоре появилась в кухне.

– Лизок, ты ужинать будешь? – голосом лисы Алисы осведомилась она.

– Нет, кусок встанет поперек горла.

– И тебе не интересно, сколько там?

– Нисколечко.

– Ты меня поражаешь.

– От денег надо избавиться! – рявкнула я. – Из-за твоей жадности мы в тюрьме окажемся. Возле ячеек наверняка камеры, непременно возникнет вопрос: почему в ячейку сумку положил один человек, а взяли двое других. Вот тебе и мотив для убийства.

– Что ты заладила? Убийство, убийство... Он как-то сам умер. Уж быстрее бы Сизова нашли, мы бы узнали, отчего он преставился. Давай их закопаем, – заявила она.

– Кого?

– Не кого, а что. Деньги. Представь, что мы их назад вернули. А на самом деле закопаем в садике. Пусть полежат.

– Это не одно и то же.

– Почему? Если мы сейчас вернем их в «Рондо», вопросы все равно возникнут. Чего это мы бегаем с сумкой туда-сюда.

– Зато не будет мотива для убийства.

– Знаешь, что я тебе скажу: честный человек сумки с бабками не прячет.

– Совершенно с тобой согласна.

– Я сейчас о Сизове. Он ревизии боялся. Скорее всего, деньги эти спер.

– И что в этом для нас хорошего?

– Вполне вероятно, что на эти денежки были еще претенденты. Вот они Сизова и отравили. Только яд подействовал не сразу, и он успел к нам притащиться, чтоб ему... В подвале есть банки. Спрячем деньги в них и закопаем под боярышником. До лучших времен.

– До нашего освобождения, хочешь сказать?

– Идем в подвал, – прорычала она.

Следующие полчаса мы были очень заняты. Принесли из подвала банки, потом искали крышки, раскладывали по банкам купюры. Наконец, очам моим предстала сюрреалистичная картина: на кухонном столе литровые банки, только вместо огурцов в них пачки денег.

– Надо поторопиться, – заволновалась Клавдия. И мы пошли закапывать банки.

Ночь выдалась безлунной, фонарь мы включать не стали. В полной темноте Клавдия принялась орудовать лопатой, я помогать ей категорически отказалась. Банки мы распределили вдоль забора на расстоянии метр-полтора друг от друга. Подружка сочла, что выкопать несколько маленьких ямок разумнее, чем одну большую. И следы своей деятельности легче замаскировать.

Разровняв землю над последней банкой, Клавдия облегченно вздохнула и побрела в подвал убирать инвентарь.

– Ставь чайник, – сказала она мне.

Я вернулась в кухню, Клавдия появилась там минут через пять. Схватила сумку Сизова и стрелой вылетела из дома.

– Куда ты? – завопила я, но входная дверь уже захлопнулась.

Клавдия снова возникла в кухне минут через двадцать, повалилась на стул и пробубнила:

– Чаю налей.

Чаю я налила.

– Где тебя носило?

– Решила, что на нашей мусорке сумку лучше не выбрасывать.

– До площади Ленина добежала?

– Почти. Ну и денек. Неужто все кончилось?

– Сомневаюсь.

– Вот что за привычка? Нет бы подругу поддержать. Денег, кстати, не так уж и много. Всего-то пять миллионов. Я хотела сказать: я рассчитывала на нечто большее.

– Можешь взять мою долю.

– Наплевательское отношение к деньгам не доведет тебя до добра.

– Интересно, куда нас приведет твоя жадность? Ладно, я домой.

– Лизка, оставайся у меня, что-то на душе тревожно. В такое время лучше вместе держаться. На работу тебе не надо... и вообще...

Я подумала и решила остаться. Ночевала я у Клавдии довольно часто. Было время, когда она настойчиво предлагала вообще к ней переселиться, но у меня хватило здравого смысла отказаться. Но сегодня я так устала... В общем, я кивнула и пошла принимать душ. За это время Клавдия успела мне постелить в гостевой спальне.

Я рухнула на постель, но тут вспомнила о мобильном. Весь этот вечер было не до того, чтобы интересоваться, чем

заняты мои многочисленные знакомые. И маме забыла позвонить. Сейчас уже поздно. Тут я обратила внимание на СМС.

«Домой не приходи», – прочитала я. Номер скрыт.

– Что за хрень? – произнесла я, переходя на язык подруги.

И заорала: – Клавдия!

Подруга влетела в гостевую в банном халате нараспашку.

– Сизова нашли? – ахнула она, на всякий случай хватаясь за сердце.

– Откуда мне знать?

– А чего орешь? – Вместо объяснения я сунула ей под нос мобильный. – Что за хрень? – повторила она мой недавний вопрос.

Тут я удосужилась посмотреть, когда пришло СМС.

– Это как-то связано с покойником? – тревожно прошептала Клавдия.

– Сомневаюсь. В то время он был еще жив-здоров. Относительно.

– Может, тебя с кем-то спутали?

– С кем? С загулявшим мужем?

– А почему бы и нет? Всякое бывает.

– А почему номер скрыт?

– Лизка, а если это связано с ограблением? Кто-то тебя предупреждает...

– По-моему, это глупость. Если бы написали «молчи» или еще что-то в этом роде... А тут – «домой не приходи».

– А если кто-то узнал, что грабители тебя ищут? Вот и предупредил. Точно.

– Кто узнал? Кто-то из моих знакомых? Откуда бы ему знать, что я с грабителями чуть не столкнулась?

– А если так: грабители пришли к тебе домой. Не спрашивай, как они узнали адрес, узнали, и все, не одна ты у нас такая умная. Стали спрашивать соседей, и кто-то из них решил тебя предупредить.

– Ни у кого из соседей номера моего телефона нет.

– А у хозяйки?

– У хозяйки есть. Но зачем ей шифроваться?

– Чтобы в неприятности не вляпаться. Завтра пойдем в полицию.

– С какой стати? – удивилась я.

– С такой, что эти упыри знают, кто ты, а мы о них ничего не знаем.

– Нет уж. Надо было сразу идти. А теперь я предпочитаю от них подальше держаться.

– Оно, конечно... Какое счастье, что ты домой не пошла. Чуйка-то у меня все же работает.

Мы еще немного погадали, кто мог прислать мне СМС, и, наконец, разошлись по комнатам. Сон не шел. Что не удивительно. К мыслям о Сизове, нашем дурацком поведении и скорой каре, которая непременно последует, добавился неизвестный доброжелатель. В чем, правда, тоже было сомнение: может, это хитрый ход. При желании найти меня

легче легкого. О нашей дружбе с Клавдией многим известно...

«Бежать, – в панике подумала я. – К маме... Хотя там тоже найдут».

Главное – не паниковать. Если СМС связано с грабителями, ничто мне не мешает в самом деле отправиться в полицию. И пусть у них голова болит, где меня прятать... Очень им надо голову-то напрягать. С Сизовым пока тоже не ясно. Вдруг повезет и все обойдется? На этой оптимистичной ноте я и погрузилась в сон.

Проснувшись утром, я некоторое время лежала, прислушиваясь к тишине в доме. Надо сказать, Клавдия была ранней птахой, и тишина настораживала. Я подошла к окну, заподозрив, что подруга нарезает круги возле закопанных банок. Окна гостевой как раз смотрели на кусты, где вчера мы развили бурную деятельность. Кусты выглядели как обычно, а Клавдии там не оказалось.

Я прошла в кухню и громко позвала:

– Клавдия!

Тишина. Пока готовила кофе, подруга появилась. В тех же джинсах, кроссовках и ветровке, без макияжа и явно несчастная.

– Ты где была? – спросила я.

– Сбегала к театру.

– Спятила? – ахнула я.

– Сил не было терпеть. Ведь его должны были найти, он же, считай, лежит в центре города.

– Ну, не совсем...

– Не перебивай. Лизка, там один ботинок...

– Какой ботинок? – окончательно обалдела я.

– Его, наверное. Ботинок есть, а покойника нет. Куда он мог деться?

– Что ты дурака валяешь? Сама говоришь, лежит почти в центре города. Его нашли...

– А почему ботинок оставили? Ведь это вещдок? Конечно, у меня нет твоего опыта, но сериалы я иногда тоже смотрю. Менты должны были все там огородить, этими... лентами. И вообще, там должна быть куча народа. Криминалисты всякие, менты...

– Так, может, и были. Ты давно туда подалась?

– Часов в семь. Они что его, по-твоему, ночью нашли?

– Почему бы и нет?

– А ботинок в темноте не заметили? Ты, кстати, не помнишь, на Сизове оба ботинка были, когда мы уезжали?

– До ботинок ли мне было?

– Тоже верно. Лизка, у меня такое чувство, что покойника у нас свистнули.

– Господи, да кому он нужен?

– Может, тем, у кого он деньги спер?

– Во-первых, спер или нет, еще неизвестно.

– А если он того... ожил. Полежал немного на свежем воз-

духе и пошел себе домой.

От эдакой идеи меня в жар кинуло. А что, если Сизов вообще не умер? А мы такого натворили: его в кустах выбросили, машину угнали, деньги забрали, а он, может, всю жизнь копил, чтобы отдать сиротам в детский дом?

Я кинулась к компьютеру, в ленте новостей ни слова о найденном трупе. Неужто в самом деле очухался? Конечно, хорошо, что человек жив, а значит, мы к его смерти не имеем никакого отношения, но как нам теперь из всего этого дерьма выбирать? Положим, деньги мы вернем, с машиной, надеюсь, тоже ничего не случилось...

– Как думаешь, Сизов простит нас за небольшое вознаграждение?

– Лично я буду стоять насмерть: он ушел от меня живой и здоровый.

– И деньги не отдашь?

– Не в деньгах дело. Вдруг нам повезет, и он ничего не помнит?

– А если не повезет? В переулок заглянула? Его машина на месте?

– На месте. Она там может стоять хренову тучу времени.

– Вот и хорошо. Пусть стоит.

Что в этом хорошего, я и сама не знала, но Клавдию, кажется, смогла успокоить.

Мы позавтракали, подружка стала обзванивать клиентов, записанных на этот день. Работать она, по ее словам, не мог-

ла и теперь дурным голосом сообщала, что матушка Евлампия отправилась на богомолье. Я в соседней комнате названивала знакомым, с намерением выяснить, не интересовался ли кто моей персоной в последнее время. Но сделать это надо было хитро, и начинала я разговор с того, что осталась без работы, мол, накрылась наша контора и все такое, и только потом выводила разговор на нужную тему.

«Мне тут какой-то неизвестный СМС шлет, – начинала я. – Ты никому мой номер не давала?» Все девчонки, а также четверо парней клялись, что никто его даже не спрашивал, и тут же интересовались СМС.

– Что пишут?

– Всякую ерунду.

– Похабщину?

– Да нет... Говорю, ерунду.

– Ну и не забивай тогда голову.

Легко сказать, не забивай.

К обеду я изрядно выдохлась и пошла в кухню, где подруга жарила котлеты.

– Надо чем-то себя занять, – пожаловалась Клавдия. – У меня башка от мыслей лопнет. Думаю и думаю... Лизка, давай сбежим?

– Куда?

– Чем дальше, тем лучше. На Мальдивы, а? Деньги-то есть. Я не про те, что в банках. Своих хватит, я кое-что отложила.

– А там мы голову ломать не будем? – засомневалась я, хотя мысль показалась дельной.

– Может, повезет. Море, солнце...

Я уже готова была согласиться, когда раздался сигнал домофона.

– Менты, – ахнула Клавдия, зеленея на глазах. Я готова была с ней согласиться.

Мы испуганно таращились друг на друга, пока подруга не спросила:

– Что делать будем?

– Открывать, – пожала я плечами.

Мы приблизились к домофону и осторожно взглянули на экран, практически не дыша. На нас в упор смотрела разгневанная бабка с фиолетовыми волосами, по непонятной причине стоящими дыбом, точно их начесали, а уложить забыли.

– Это что такое? – пролепетала Клавдия.

– Клиентка, наверное, – предположила я, заметно успокаиваясь.

– Я ее впервые вижу.

– Может, из новеньких.

Однако теперь мое же предположение вызвало у меня сомнение.

На страждущую утешения бабка точно не походила, глаза метали молнии, и в целом она куда больше напоминала горгону Медузу, которая вряд ли нуждается в чужих пророчествах. Бабка продолжала настойчиво звонить, пока не ста-

ло ясно: вот так просто избавиться от нее не получится. Она твердо намерена с нами встретиться, то есть не с нами, а с Клавдией, подумала я с некоторым удовлетворением. Лично я предпочла бы оказаться как можно дальше от старушки.

– Открой, – сказала Клавдия и поспешно ретировалась, а я, чертыхнувшись, нажала кнопку переговорного устройства и вежливо произнесла:

– Слушаю вас.

– Слушает она, – рявкнула старушенция. – Где мой сын, лахудра? Затянула в свои сети, дурака нашла? Я тебе волосья-то повыдеру, дрянь ты эдакая.

Я метнулась к двери, за которой скрылась подруга, открыла ее и зашипела:

– Клавдия, кого ты затянула в сети? Бабушка сыном интересуется.

– Впусти эту чокнутую, она же на всю улицу орет, – отозвалась подружка.

Я вернулась к домофону и сказала:

– Входите, пожалуйста.

Открыла дверь, и буквально через пять секунд старушенция ворвалась в прихожую. Чтобы преодолеть расстояние от калитки, требовалось куда больше времени, особенно человеку пожилому, а этой было лет семьдесят, так что я сделала вывод: гостья для своих лет чрезвычайно подвижна, хоть и ходит с палкой. Или клюкой? Как это, кстати, правильно называется? Сейчас она ею размахивала перед моим носом

и вопила:

– Где мой сын?

Я отошла подальше и спросила жалобно:

– Он наш клиент? Назовите, пожалуйста, фамилию.

– Клиент? – бабку заметно перекосило. Она начала оглядываться в поисках места, куда завалиться, а я предупредительно указала на диванчик. Старушка плюхнулась, оперлась обеими руками на клюку и спросила осевшим голосом:

– Это что же, бордель? Как же ты такое допустил, Господи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.